

А.К. ЛАРКВУД

*«Роскошная, изящно написанная книга
на все времена».*

Тэмсин Мьюир, автор бестселлера «Гидеон из Девятого Дома»

ОТ ЖРИЦЫ ДО АССАСИНА –
ОДИН ШАГ

НЕНАЗЫВАЕМЫЙ

Фэнтези: открытие

А. К. Ларквуд

Неназываемый

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Ларквуд А.

Неназываемый / А. Ларквуд — «Издательство АСТ»,
2020 — (Фэнтези: открытие)

ISBN 978-5-17-103586-0

Что, если бы вы знали, как и когда умрете? Молодая жрица по имени Ксорве – знала. В назначенный час она должна была принести себя в жертву ради процветания Империи. Однако могущественный маг предложил ей сделку – в обмен на другую судьбу. Решится ли Ксорве уйти вместе с ним, отвернуться от своих богов, стать воровкой, шпионкой, убийцей, пособницей в кровавых планах развалить Империю? Ксорве знает: боги все помнят. И однажды выставят счет.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-103586-0

© Ларквуд А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Действующие лица	6
I	8
1	8
2	17
3	26
4	34
5	44
6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

А. К. Ларквуд

Неназываемый

Посвящается Мэз

Что длиннее, чем путь?

Действующие лица

В Доме Молчания

КСО́РВЕ, *Избранная невеста Неназываемого*

СА́НГРАЙ, *настоятельница*

ОРА́ННА, *хранительница архивов*

А́НГВЕННАД, *послушница*

КВЕРЕН, *преемница Санграй*

УШМАЙ, *прислужница*

ЦУРАЙ, *младшая послушница*

В Сером Крюке и Тлаантоте

БЕЛТА́НДРОС СЕТЕ́НАЙ, *маг*

ПА́РЦА, *учитель наречий*

ТАЙМИ́РИ, *кухарка*

ТАЛАССЕ́РЕС ЧАРО́ССА, *несчастный молодой человек*

ГЕНЕРА́Л ПСАМАГ, *наемник*

БО́ЛЬШАЯ МО́РГА, *правая рука Псамага*

ТЕНОКВЕ, *офицер армии Псамага*

ША́ДРАН, *другой офицер*

АТАРА́ИС, *змея*

ОЛТА́РОС, *старинный враг Белтандроса*

НИРА́НТЕ, *сестра Олтароса*

АКА́РО, *один из агентов Олтароса*

Подданные Империи Карсаж

ДА́РЬЮ МАЛКХА́Я, *страж*

ДО́КТОР ЛА́ГРИ АРИ́ЦА, *церковнослужитель и ученый*

КА́НВА ШУТМИ́ЛИ, *адепт*

КА́НВА ЖИУ́РИ, *Верховный инквизитор*

ЦА́ЛДУ ГРИЧА́ЛИЯ, *помощник Верховного инквизитора Канвы*

Имперский Квинкуриат

БДЕ́НИЕ, *квинкурия при Инквизиторате*

РУ́БИН, *главная исследовательская квинкурия*

МЕ́ЧНИКИ, *боевая квинкурия среднего ранга*

Божества

НЕ́НАЗЫВАЕ́МЫЙ, *в Ошааре*

ИРИСКА́ВААЛ ТЫ́СЯЧЕГЛА́ЗАЯ, *в Ормарии и Эчентире*

ЗИНАНДУР, *Дракон Карсажа*
СИРЕНА, *в Море Безмолвия*

I

Избранная невеста

*Под прикосновением твоей руки распустится черный лотос —
Так мы узнаем тебя, рабу опустошения,
Моря будут осквернены,
Все поблекнет,
Имя твое забудется, и ты станешь моей невестой.
Так рек Неназываемый на опустошенной равнине.*

Из Книги Небытия

1

Дом Молчания

В далекой северной глуши есть Святилище, что вырублено в скале. Лес саваном покрывает близлежащие холмы. Это негромкий край, но Святилище Неназываемого куда тише. Птицы и насекомые не тревожат этого места. В долине под Святилищем стоит храм, называемый Домом Молчания. Его прислужницы оставляют подношения у подножия лестницы, что ведет к Святилищу, но подниматься выше они не смеют.

Раз в четырнадцать лет, весной, когда с холмов стекают ручьи, из Дома Молчания выходит процессия. Шесть носильщиков несут паланкин, где восседает настоятельница. Невзирая на холод, носильщики обнажены по пояс. В любой другой день любого года это простые фермеры и лесорубы, но сейчас они служат древней цели. Процессия идет по белокаменной дороге в сторону холмов.

Возглавляет ее девушка четырнадцати лет – на голове ее венок из цветов, а лицо прикрывает белая вуаль. Она ведет белоснежного бычка на позолоченной цепи. Процессия останавливается у подножия лестницы, что ведет к Святилищу. Здесь, на каменном алтаре, выбит желоб. У самого конца желоба стоит сосуд и лежит острый блестящий нож.

Девушка приводит бычка к алтарю, и там ему перерезают горло. В тусклом свете весеннего солнца кровь кажется черной. Она выплескивается на стылые камни и течет к сосуду.

Девушка берет чашу с кровью и поднимается по ступеням к Святилищу. Больше ее никто не увидит.

За месяц до дня смерти Ксорве в Дом Молчания явился странник. Ксорве пропустила его появление: внизу, в крипте, она прислушивалась к мертвым.

В подземелье Дома было много пещер, выдолбленных в серых пластах священной горы. Глубже всего находились склепы, где были запечатаны в поисках вечного покоя могущественные мертвецы из числа Последователей Неназываемого. Но здесь, так близко к Святилищу бога, покой было не так-то легко заслужить. Мертвецы царапали стены и шелестели, будто пели печальную песнь.

Ксорве, как это часто бывало, сидела в подземелье, пытаясь разобрать слова, и тут кто-то прошел вниз по проходу. Она с ногами забралась в нишу, надеясь, что ее не заметят. Дрожащий огонек свечи приблизился. Это была Ангвеннад, одна из послушниц.

– Ксорве, дорогая, пойдем, тебя ждут наверху, – сказала Ангвеннад. Другие послушницы обращались к Ксорве на «вы» или, что еще хуже, «госпожа», но Ангвеннад нянчила Ксорве, и ей разрешались некоторые вольности.

Ксорве соскользнула с насиженного места. Ей казалось, что до вечерней молитвы было еще далеко, но здесь так легко было потеряться во времени – пусть даже, знала она, дни ее сочтены.

– К тебе пришел паломник, – сказала Ангвеннад. – Чужеземец. Весь истрепанный, ну да что с него взять. Говорят, он проделал весь путь из-за холмов пешком.

Паломники не были редкостью в Доме Молчания. Большинство из них всего лишь искали благословения Ксорве, но в глазах Ангвеннад читалась легкая тревога, а значит, этот странник прибыл с иной целью.

Они поднялись наверх, и Ангвеннад заняла свое место в глубине зала. Жрицы преклонили колени в другом углу. Настоятельница Санграй отвела Ксорве в сторону и объяснила, что паломник пришел за пророчеством и ему нельзя отказать.

Прислужники расставили лакированные подносы и тонкие восковые свечи. Хранительница Черного Лотоса проходила от подноса к подносу, разбрасывая высушенные листья и стебли лотоса из курильницы.

Когда пришло время, Ксорве уселась в одиночестве в центре зала напротив возвышения в дальнем углу. Единственным источником света в зале служили свечи и тусклое сияние тлеющего лотоса. Чужие лица проступали сквозь тьму бледными пятнами.

Настоятельница и хранительница архивов стояли на возвышении вместе с чужестранцем. Ксорве едва разглядела его, она шла с достоинством, опустив глаза. На возвышении стояло кресло с высокой спинкой. Ксорве опустилась в него, держа голову прямо и устремив взгляд перед собой. Жрицы и прислужницы, настоятельница, хранительница архивов, чужеземец – они остались на периферии зрения размытыми, исчезающими пятнами. Взор заслоняли тьма и пустота под огромным сводом зала.

Сладковатый, едва уловимый дым от лотоса поднимался меж колонн. Хранительница Черного Лотоса, обойдя по кругу, приблизилась к Ксорве с фарфоровой чашей, где в смоле мерцали семена и бутоны лотоса. Над чашей вился тонкий черный дым.

Последователи Неназываемого склонили головы, их тихие голоса слились в один:

– *Неназываемый и Неизреченный, Рыцарь Бездны, Надзиратель Поглощенных Миров, хвала и почтение твоей Избранной невесте. Да будет она нашей заступницей.*

Ксорве подняла чашу и вдохнула. Кедр, перец, благовония, а в основе всего – дурманный аромат лотоса. Перед глазами потемнело, руки и ноги охватила приятная боль, которую затем сменило онемение. Пятна света в зале казались необычайно далекими, они мерцали, будто из-под воды. С каждым вдохом свет становился все более тусклым.

Наяву Ксорве давно обошла все склепы и подземелья под Домом Молчания. Она знала их на вид и на ощупь, по опыту и по памяти. Под влиянием лотоса она будто чувствовала их очертания во рту. Вся гора была расчерчена впадинами, а в самом ее сердце находилась огромная пещера.

Провалившись во тьму, она почувствовала на себе взгляд из пустоты.

Присутствие Неназываемого осознавалось не сразу – сначала это напоминало первые робкие волны прилива, которые проскальзывают в норы песчаных обитателей. А затем его сменяло тяжелое невидимое давление, целенаправленное любопытство, которое оценивало ее с беспристрастным интересом.

Появился голос, затем лицо. Где-то там, в зале Дома Молчания, странник опустился перед ней на колени, без слов приветствуя ее. По его лицу пробежала сверкающая рябь, будто отражаясь от поверхности воды. Хотя ему было не меньше сорока, у него не было ни одного клыка.

Ксорве никогда раньше не встречала чужеземцев и досадовала, что не может лучше разглядеть его.

– Избранная невеста, я смиренно прошу Неназываемого о милости, – произнес странник. Он говорил на ошаарском с необычным акцентом.

– Чего ты ищешь? – раздался голос Ксорве, но она не чувствовала, чтобы ее губы шевелились: ей овладел Неназываемый.

– Знания, – ответил странник.

– Знания о прошедшем или же знания о грядущем? – спросил Неназываемый. Он изучил мысли Ксорве, проверяя, не сопротивляется ли она. Но она прошла обучение. Она была чистым сосудом для божественного гласа.

– Знания о настоящем, – ответил странник.

Это было необычно. Даже неуважительно. Ксорве приготовилась к гневу Неназываемого. Он, очевидно, заметил ее состояние, и она ощутила прилив безмятежности – так успокаивает прохлада, что исходит от открытой гробницы.

– Говори же, – велел Неназываемый голосом Ксорве.

– Неназываемый и Неизреченный, где находится Реликварий Пентравесса?

Ксорве снова почувствовала, как проваливается в ничто. Вспыхнули яркие предметы и пропали из ее поля зрения. А затем она вновь ощутила, как Неназываемый направляет ее внимание.

Она увидела палисандровую шкатулку – восьмигранную, инкрустированную золотом, размером со сжатый кулак. Казалось, до нее вот-вот можно было дотронуться, но это было не первое пророчество Ксорве, и даже сквозь туман лотоса она осознавала, что это лишь видение.

Густая тьма, словно шелковый мешочек, окутала шкатулку, и та исчезла. Видение прекратилось, будто бы его намеренно похитили. Ксорве попыталась мысленно дотянуться до шкатулки сквозь тьму, но ничего не получалось.

– Он сокрыт от моего взора, – сказал Неназываемый. Раздражение и отрицание едва ли присущи богам, но Неназываемый был совершенно точно недоволен.

– Но он все еще существует? – спросил странник. Хотя он старался контролировать свой голос, от Ксорве не ускользнула нотка удовлетворения.

– Он цел, – ответил Неназываемый.

И это был его последний ответ. Неназываемый покинул ее разум – словно бы волна откатилась от берега: отблеск на песке, а затем – пустота.

Она снова была собой – на возвышении в Доме Молчания, – а во рту чувствовался горький привкус лотоса. Голова закружилась, чаша выпала из ее рук, и она потеряла сознание.

Ксорве проспала полуденную молитву и, очнувшись в своей келье, спустилась на подкашивающихся ногах в трапезную к ужину. Черный лотос был довольно безжалостен. Голова казалась тяжелой и хрупкой, будто сваренное вкрутую яйцо, а в горле саднило, как после крика.

Вокруг одного из столов собрались послушницы – все ровесницы Ксорве. Кто-то оглянулся, когда она вошла, но большинство не обратили внимания.

До тринадцатого дня рождения Ксорве жила и училась вместе с послушницами, но дружбы она ни с кем не завела. Избранная невеста Неназываемого была отделена ото всех не только по протоколу, но и из прагматических соображений. Дружба с Избранной невестой не имела смысла. Большинство послушниц родились в фермерских семьях, и им было прекрасно известно: ни к чему привязываться к поросенку, который предназначен на убой.

Ксорве взяла миску с супом из капусты и села за другой стол. Беседа шла о страннике. По всей видимости, он был магом из столь отдаленного города, что никто не мог выговорить его название. Они говорили все тише, и вот слово взяла Ушмай – она прошептала, что странствующий волшебник недурен собой.

Ксорве сидела и ела суп, размышляя. Осталось тридцать дней. Это значит, что впереди у нее еще двадцать девять ужинов. Она попыталась сосредоточиться на супе – медленнее жевать, распробовать его как следует, – но после лотоса любая еда имела привкус ржавчины.

Мысли ее то и дело обращались к страннику. Если он и впрямь маг, то почему он носит лохмотья? Где его слуги? Чего он так отчаянно жаждал, что проделал весь этот путь в одиночестве? Должно быть, шкатулка из ее видения очень ценная или священная – а может, и то и другое.

Разговоры вдруг стихли, и Ксорве обернулась, чтобы узнать причину. На пороге трапезной стоял странник. Ему пришлось пригнуться, чтобы войти.

Ксорве бросила на него быстрый взгляд, делая вид, будто поглощена супом. Темно-коричневая кожа, длинные волосы собраны заколкой, длинные острые уши, густая борода. Она впервые видела такого человека. У ошаарцев, к числу которых принадлежала сама Ксорве, кожа была серой, глаза золотистыми, а те несколько мужчин, которых ей довелось видеть, брились начисто.

Плащ у странника был длинный, изношенный, непривычного кроя, и весь в заплатках – невозможно было угадать, из какой ткани он соткан. Под заплатками кое-где виднелась вышивка, золотые и серебряные нити сияли при малейшем движении. Вероятно, когда-то давно он был богат, но с тех пор обнищал.

Но все же он не походил на бедняка – по крайней мере, на тех бедных фермеров, что жили в окрестностях Дома Молчания. Он явно не привык склонять перед кем-то голову.

В трапезной он огляделся, а затем, к ужасу Ксорве, сел напротив нее.

– Мое имя – Белтандрос Сетенай, – сказал он. – Мы уже встречались, но тогда мне не удалось представиться.

Она промолчала, опустив взгляд на чашу, в которой еще оставался суп.

– Не волнуйся. Я поговорил с настоятельницей. Она считает наш разговор допустимым с теологической точки зрения.

Ксорве волновала отнюдь не теология, а зоркие глаза послушниц, но все же она посмотрела на него. Как это необычно – видеть взрослого без клыков. Из-за их отсутствия его лицо казалось таким простодушным и открытым, что по нему трудно было понять, о чем он думает.

– Благодарю тебя за потворство моей любознательности, – продолжил он.

Ксорве устала на него. Принимать благодарность за пророчество было нелепо и даже неприлично. Все равно что поблагодарить бутылку после того, как нальешь себе бокал вина.

– Надеюсь, тебя это не затруднило, – сказал он. Она покачала головой. – Жаль, я не могу объяснить, как много для меня значит эта информация. Я провел столько лет, изучая историю Реликвария – и даже не надеялся, что он мог сохраниться фрагментарно, не то что целиком, – но я не буду надоедать тебе давней историей. Мне всегда кажется, что людям интересны мои поиски, хотя я постоянно получаю подтверждение обратного, – улыбнулся он. – Не уделишь ли ты мне еще немного времени? Настоятельница сказала, что ты можешь проводить меня в архивы.

Переплет одной из книг в библиотеке Дома Молчания был сделан из кожи убитого короля – по крайней мере, такие ходили слухи. Здесь хранились зашифрованные книги, книги из обси-диана, книги из китовых шкур. Атласы стертых с лица земли городов и разрушенных миров. Беспольные карты, указывающие местоположение любых ныне забытых сокровищ, словари для каждого ныне мертвого языка. Библиотека Дома Молчания представляла собой памятник хаосу.

А еще здесь было тепло и уютно, потому что хранильница архивов вытребовала у Анг-веннад двойную порцию дров.

Когда Ксорве в сопровождении Белтандроса Сетенай вошла в комнату, хранильница сидела за столом. Ее звали Оранна. Она была довольно молодой: Ксорве помнила, как из слу-

жительницы она стала жрицей. Ее глаза были цвета пчелиного воска, а клыки она украсила серебряными наконечниками. Оранна не взглянула на вошедших, но прекрасно знала, кто здесь: этому трюку она выучилась еще будучи послушницей, и он не подводил ее до сих пор.

– Ну что же, – сказала Оранна, – Реликварий Пентравесса. Спроси вы меня о нем вчера, я бы ответила, что вы обратились по адресу.

– А сегодня? – спросил Сетенай.

– А сегодня выяснилось, что, вопреки любой логике, Реликварий еще существует. А тому, что существует, здесь не место. Здесь можно отыскать правду только о мертвых – или о том, что обратилось в прах.

– Жаль, – отозвался Сетенай, блуждая вдоль полок. Руки он засунул в карманы своего кошмарного плаща, будто пытаясь удержаться от прикосновения к книгам. – Но мне все равно хотелось бы ознакомиться со сведениями о Реликварии. Пусть даже все это ложь.

Оранна слегка нахмурилась.

– Ксорве, – позвала она, – хватит торчать у двери, подойди и сядь у очага.

Ксорве послушалась и села, глядя как сноп искр лижет полено. Когда она была совсем малышкой, Ангвеннад рассказывали ей о бесятах, живущих в очаге и дерущихся из-за золы. Теперь эти воспоминания причиняли боль. Лучше оставить все это позади.

Она села и вполуха слушала беседу Оранны и Сетенай. Хотя хранительница и без того не любила доставать книги, а ее неприязнь к страннику была ощутимой, она все-таки открыла тяжелый фолиант в поисках нужной записи.

– Считается, что Реликварий Пентравесса оставляет следы в мире – так же как серп оставляет за собой скошенную траву, – прочла она. – Ищите их внимательно. Слушайте истории о необычайных происшествиях, ужасающих совпадениях, событиях, изменивших ход вещей. Так вы сможете проследить путь главного творения Пентравесса сквозь ни о чем не подозревающий мир. В этом и заключается природа проклятия Реликвария.

– Его подгоняют алчность и властолюбие, – заметил Сетенай, как будто тоже читал. – Неудачи, неосмотрительность, нежелательные последствия следуют за ним, – он улыбнулся Оранне, – но сопротивляться самой идее невозможно.

Ксорве подняла голову и заметила взгляд, которым обменялись хранительница архивов и маг – словно два шпиона случайно встретились на улице и узнали друг друга, а затем исчезли в противоположных направлениях. Привычная настороженность сменяется изумлением, радостью, страхом, – а мгновение спустя все уже идет своим чередом.

После этого Ксорве лишь один раз видела Белтандроса Сетенай в Доме Молчания. Он жил в гостевом крыле, то и дело заглядывал в библиотеку, и, насколько она могла судить, никому не мешал. Все время Ксорве было поглощено подготовкой к приближающемуся дню. У этой церемонии не было названия. В своих мыслях Ксорве называла ее *ЭТОТ ДЕНЬ*. Она проводила часы в молитвах и размышлениях. Вместе с настоятельницей читала «Книгу Небытия» и «Сон о Мухоморе». Как предписывали книги, она постилась и жгла лотос.

Все эти приготовления изнурили ее. Поначалу каждую ночь она засыпала, и сон ее был подобен смерти. Затем она стала то и дело просыпаться от ужаса, как будто только теперь осознала, что именно ее ждет. Как будто это не объяснили ей давным-давно. В свой четырнадцатый день рождения она должна будет подняться к Святилищу Неназываемого – и на этом для нее все закончится.

Настанет лето. Найдется другая Избранная невеста. Послушницы обзаведутся коренными клыками, принесут клятвы и станут служительницами. Мир будет продолжаться – без нее.

Как-то раз ночью она встала со своего ложа, не в силах больше лежать, и вышла в коридор. *Вот она – я, думала Ксорве. Я через две недели. Вот я поднимаюсь к Святилищу. И наступает конец. Вот что меня ожидает. Имя твое забудется, и ты станешь моей невестой.*

Каменные плиты холодили ступни. Света нигде не было, но она знала Дом Молчания как свои пять пальцев. Ксорве поднялась по ступеням к библиотеке, думая о других ступенях, вырубленных в скале. Но затем ее внимание привлекла полоска золотистого света, пробивавшегося из-под двойных дверей библиотеки, и мысли ее обратились к теплому очагу, чудесному аромату сосны, правде о мертвых и о том, что обратилось в прах.

Ксорве тихонько вошла в комнату, стараясь не задеть скрипящую дверь. Ей почему-то казалось, что здесь не будет ни души. Она уже представляла, как в очаге горит огонь, и некому наслаждаться теплом и светом.

Но она сразу же осознала свою ошибку. Здесь были хранительница архивов и маг. Сетенай, сидевший возле очага, казалось, купался в отблесках пламени. Потрепанный плащ висел на спинке стула. Оранна как раз снимала том с дальней полки, но стоило только Ксорве войти, застыла, как кошка, пойманная врасплох при краже объедков. Ксорве попятилась, дверь за ней захлопнулась, и она растворилась в темноте.

Она сразу поняла, что стала свидетельницей чего-то недозволенного. Что бы ни делали эти двое в библиотеке, это не предназначалось для ее глаз, а за праздное любопытство здесь наказывали сурово.

За ее спиной раздались торопливые шаги. На стене чередовались пятна света и тени – кто-то спешил за ней с лампой в руках. Оранна без труда догнала ее.

– Что ты здесь делаешь, Ксорве? – спросила она шепотом, чтобы не потревожить ничей сон. До Ксорве дошло, что она не единственная нарушала правила. – Посреди ночи.

Объяснений у нее не было. Она вжалась в темноту. Спустя мгновение за спиной Оранны возник Сетенай.

– Тебе не спалось? – спросила Оранна, а затем лицо ее прояснилось, будто она поняла причину, и это принесло ей облегчение. – Тебе страшно.

Ксорве кивнула. Но сейчас трудно было сказать, что вызывало у нее больший страх – Оранна или Святилище.

– Это же Избранная невеста, – сказал Сетенай. Он стоял в темноте позади Оранны, и Ксорве не могла понять по голосу, напряжен он или просто любопытствует. – Тебя тревожат сомнения?

Не обращая на него внимания, Оранна продолжала в упор смотреть на Ксорве.

– В страхе нет ничего предосудительного, – процитировала он Книгу. – Страх перед Неназываемым оправдан. Неправильно лишь искать утешения во лжи.

Ксорве кивнула, не отрывая взгляда от босых ног.

– Я знала Избранную невесту – ту, что была до тебя, – сказала Оранна.

Ксорве застыла. Эта тема не была запретной, скорее – немыслимой. Ксорве считала, что никто больше не задумывался об этом.

– Мы были послушниками в одно время. Поначалу она испытывала страх, но в назначенный день она была спокойна. Я уверена, что ты тоже обретешь покой. Не забывай о медитациях.

Ксорве кивнула, и Оранна проводила ее до кельи. Раньше хранительница архивов никогда не была такой заботливой. Ксорве решила, что так Оранна отдавала должное предыдущей Невесте. Жаль, что хранительница архивов не рассказала о ней больше. Как ее звали? О чем она говорила, как она держалась? Возможно, о ней забыли все, кроме Оранны.

К тому времени, как Ксорве, наконец, уснула, она почти забыла о Сетенае.

За неделю до дня жертвоприношения Ксорве снова не могла уснуть. Стояла глубокая ночь. Завернувшись в одеяло, Ксорве спустилась в крипту. В пыли за ней оставались следы.

Мертвые никогда не затихали в своих могилах, но больше всего шума от них было ночами: нестройными голосами они тянули песни без слов и колотили в двери. Ксорве миновала небольшие усыпальницы и прошла к центральному залу, где за массивной железной дверью были похоронены и замурованы настоятельницы былых времен.

Некоторые из них были столь добродетельны, что зашили себе рты: они скорее умерли бы от жажды, чем из их уст вылетело бы нечестивое слово. На двери был начертан символ сомкнутых уст, и Ксорве машинально отдала приветствие, прижав три пальца к губам между клыками.

Железный засов, стоило к нему прикоснуться, обжег пальцы холодом, словно вытягивая жизненное тепло из костей Ксорве. Металл закрипел, поддаваясь, когда Ксорве потянула засов и подняла щеколду. При звуке открывающейся двери мертвые затихли.

Ксорве увидела круг из свечей, а рядом – мертвых, которые стояли вокруг своих могил, будто гости, ожидающие приглашения сесть. Потихоньку, словно стесняясь, они обступили ее. Десятки мертвых, закутанных в саваны, подходили и ждали. Закрыв за собой дверь, Ксорве сделала шаг им навстречу и прошла вглубь толпы. Костлявые пальцы ласкали ее волосы и дотрагивались до ее кожи с отчаянной нежностью.

Ксорве села на краешек одного из саркофагов, и мертвые обступили ее, словно в ожидании новостей из мира живых. Настоятельницы жили и умирали здесь, в Доме Молчания, и хотя присутствие Неназываемого оживило их тела, их души вернулись на землю. Вместо глаз у них были пустые глазницы. Им нечего было ей сказать.

Настал *этот день*. Ксорве перемещалась с места на место как марионетка, не осознавая толком, где она и что происходит. Ее нарядили в белый шелк и кружева, а на голову водрузили венок из белого шиповника. Ангвеннад сказала ей, что она молодец, что годы промчались незаметно, и она не верила, что этот день когда-нибудь наступит.

Лоб ей умастили смолой. Аромат лотоса смешивался с животным запахом жертвенного бычка. Все было готово. Это был конец. Оставалось уже недолго.

Процессия достигла алтаря у подножия лестницы. Жрицы выступили вперед, чтобы убить бычка, их желтые одеяния выделялись ярким пятном на фоне покрытой мхом скалы. Ксорве смотрела прямо перед собой, отблеск ножа она увидела краем глаза как вспышку.

Кровь бычка до краев наполнила чашу и выплеснулась. Ксорве передали чашу, и она с трудом ухватилась за скользкие металлические ручки.

Затем все присутствующие – жрицы, служительницы, настоятельница, носильщики паланкина – отошли по обе стороны от нее и разом поклонились ей. Хранительница архивов внимательно следила, как Ксорве повернулась к лестнице.

Ступени были крутыми. Если бы Ксорве оглянулась, она увидела бы макушки жриц, а за ними – Дом Молчания, а еще дальше – леса, поднимающиеся и опускающиеся черными волнами. Возможно, где-то там находилась деревня, где она появилась на свет. Но Ксорве не оборачивалась. Она смотрела вниз, на свое отражение, подрагивающее в чаше с кровью.

Ступени закончились. Ветер развеивал подол ее платья, лодыжки покрылись гусиной кожей. Плечи болели. Сорняки, проросшие среди камней, клонились под порывами ветра. Мох, мелкие травы и цветы пережили морозы.

Столетиями сюда не ступала ничья нога – кроме избранных. Таких, как она.

Она постаралась не думать о цветах. Они не пахли. Она видела их множество раз. Она вдоволь насмотрелась на цветы. Вдоволь наелась супа из капусты. Вдоволь наслушалась, как мертвецы скребут стены. Время пришло. Если она не решится сейчас, она не решится никогда.

Ксорве перевела взгляд на проем, зияющий в скале, – неотесанный, ничем не прикрытый, неосвященный. Здесь не росли ни мох, ни трава. Живым сюда путь был закрыт – всем, кроме нее, Избранной. Ксорве направилась ко входу и шагнула внутрь.

Она оказалась в круглой пещере – стены были усеяны проемами, за которыми начинались проходы, ведущие вглубь горы. В центре пещеры располагалось углубление, его границы очерчивал слабый свет, дотягивающийся сюда от входа.

На краю ямы находилась выемка из гладкого камня, достаточно широкая, чтобы она могла опуститься на колени. То ли камень специально отесали, то ли он просто сгладился за столетия использования.

Ксорве подумала о своих предшественницах, что приносили с собой кровавое подношение Неназываемому. Они были избраны, им была оказана такая честь, и, возможно, здесь, в тишине сводов под горой, они тоже испытывали сомнения. Возможно, они вот так и проводили последние минуты своей жизни, настороженно вглядываясь в темноту. А может быть, для них это было просто. Может быть, они делали, что должно, и просто шли дальше навстречу своей участи.

Ксорве опустилась на край углубления и склонила чашу. Кровь стекала в яму, сияя в темноте. Это привлекло внимание Неназываемого, и она снова почувствовала всю мощь его взгляда на себе. Он знал ее. Узнал ее. В пещере никого не было, Ксорве слышала лишь свое дыхание. Неназываемый ждал ее в глубине горы.

Вскоре она почувствовала себя неудобно. Колени и плечи затекли от долгого сидения в одной позе. Яма впитала в себя всю кровь. Неназываемый был здесь, но не давал никаких подсказок. Здесь было все так же сумрачно, а в проходах клубилась тьма.

– Так не должно быть, – громко сказала она. – Что мне делать?

– Прекрасный вопрос.

В одном из проходов показался мужчина. Она вскочила на ноги, и пустая чаша ударилась о камень с кошунственным грохотом.

– Как по-твоему, что ты должна делать? – спросил непрошенный гость. Это был голос человека могущественного и уверенного в себе, – но не бога. Страх Ксорве сменился гневом.

– Вы... я знаю, кто вы, – сказала она, уперев руки в бедра. – Вам сюда нельзя. Уходите, иначе умрете.

Белтандрос Сетенай шагнул в комнату, мягко улыбаясь. В руке он держал лампу и смотрел на Ксорве почти так же внимательно, как Неназываемый.

– Ты все-таки можешь говорить, – заметил он. – А то я сомневался.

– Если вы не уйдете, он убьет вас, – сказала Ксорве. Неназываемый был в этой самой пещере, в самом воздухе. – Это кошунство. Вам нельзя здесь находиться. Никто не может покинуть это место живым.

На лице мужчины играла улыбка, и при этих словах она стала только шире.

Ксорве скрестила руки и впиалась ногтями в нежную кожу чуть выше локтя.

– Не смейтесь надо мной. Как вы смеете. Меня ожидает смерть. Она была мне предназначена.

– Да, я знаю, – сказал он. Он пересек комнату, чтобы получше разглядеть ее, слегка заступил за яму и поднял лампу. Рукава его плаща были закатаны, он носил тяжелые кожаные перчатки. – Всех нас ждет смерть, Раба Опустошения. Но мне необязательно умирать здесь, как и тебе.

Она никогда не позволяла себе даже мечтать о том, что произойдет нечто подобное, что кто-то сочтет это ошибкой. Одна мысль об этом уже казалась кошунственной.

– Я не пойду с вами, – ответила Ксорве. – Это ложное утешение. Вы не заставите меня уйти.

Сетенай прислонился к стене.

– Я не буду заставлять тебя, – ответил он. – Если тебе хочется спуститься вглубь пещеры и узнать, что Неназываемый делает с подношениями, то пожалуйста. – Вздохнув, он выпрямился, словно собираясь с мыслями. – С моей стороны некрасиво было испортить величайшее дости-

жение твоей жизни своим появлением и бестактными замечаниями. Если ты уверена в том, что хочешь этого, я тут же исчезну, и ты продолжишь недоступный другим процесс познания.

Почувствовав, что он насмехается над ней, Ксорве схватилась за юбку.

– Мне оказали честь, – произнесла она. К глазам подступили злые слезы. – Я была избрана.

– Ну что же, – сказал Сетенай, – а теперь тебя избрали для другого, разве что ты предпочтешь смерть во тьме работе на меня. Неужели ты думаешь, что до тебя ни одна Избранная не ставила под сомнение неизбежность своей участи? Многие твои предшественницы сбегали прочь, лишь бы не встречаться с Неназываемым в его логове. Большинство из них замерзли в лесу, и их останки так там и лежат.

Ксорве повернулась к нему спиной. И напрасно: теперь она смотрела прямо в сторону выхода – туда, где над холмом светило неяркое солнце и росла трава, покрытая инеем. Святилище находилось слишком высоко: она не видела крыши Дома Молчания, но смогла разглядеть мерцание гор вдалеке, лес, холмы, белые стаи птиц, рассекающих воздух.

– Я не могу, – сказала она. – Куда мне идти? Я тоже замерзну и умру.

– Сбегать в одиночку очень трудно, – ответил Сетенай. – Но ты будешь не одна. Ты будешь со мной.

Он больше не смеялся. Брови в напряжении сошлись к переносице. Руки в перчатках были крепко прижаты к бокам. Внутри горы Неназываемый ощутил его присутствие.

– Настоятельница... – начала было Ксорве.

– Она никогда не узнает о твоём побеге, – перебил ее Сетенай. – Выбирай, Ксорве. Или ты останешься здесь, или пойдешь со мной. У нас мало времени.

– Но Неназываемый узнает, – возразила Ксорве. Она уже чувствовала, как в нем просыпается ярость, как она поднимается и клокочет в глубине.

– Да, – ответил Сетенай. – Узнает. Секрет величия заключается в том, чтобы понимать, когда именно можно разозлить бога.

Сняв перчатку, он протянул ей руку, и она ее приняла. Его рука была мягкой, пальцы длинными, и он носил золотой перстень. Ее же рука была маленькой, загрубевшей, до запястья залитой кровью бычка.

– Идем, Ксорве, – позвал он, – пусть Неназываемый оплакивает тебя в своей яме.

2

Лабиринт Отголосков

Ксорве отправили на смерть еще до завтрака. Вечером того же дня они с Сетенаем были уже далеко от Святилища, на борту лодки. Это стало еще одним новым впечатлением – а их и так было достаточно. Всю первую ночь и весь первый день она провела, лежа на куче веревок на дне лодки, призывая смерть, которую она заслужила. На второй день случилось нечто похуже, несравнимое с чувством вины. В «Книге Небытия» была глава, которая особенно нравилась Ксорве: в ней подробно рассказывалось о наказании за предательство. *У берега оскверненного моря, в тени угольно-черной башни она отреклась от Неназываемого. Да поглотит хаос нарушительницу клятвы! Да обглодают личинки плоть с ее брэнного тела! Да забудется имя ее навеки!*

– Как бы вы поступили, – спросила она, тщательно подбирая слова, – если бы настоятельница узнала и пришла за мной?

– Как она может узнать? – ответил Сетенай. – Ты поднялась на гору и не вернулась. Если бы настоятельница хотела удостовериться, что ты принесена богу в жертву, а не, скажем, сбежала с каким-то незнакомцем, пожалуй, ей следовало бы получше за тобой присматривать.

– Она может заметить *ваше* отсутствие, – заметила Ксорве и дерзко добавила: – Как и хранительница архивов.

Сетенай рассмеялся.

– Оранна только обрадуется моему уходу.

– Но все-таки как вы поступите, если она явится за мной?

– Тогда мне придется ее убить, – жизнерадостно ответил Сетенай. Он сидел на носу и смотрел на проплывающие мимо темные берега. – Ксорве, даже если она догадается, что ты жива, – даже если на нее снизойдет удивительное озарение, и она поймет, что ты со мной, – как она сможет нас отыскать? Мы уже очень далеко.

Они переплыли реку и в конце концов добрались до одних из Малых Врат Ошаара – зеленые, точно кошачьи глаза, они утопали в скале у подножия заросшей долины.

Ксорве доводилось слышать о Вратах и видеть их на картинках, но никогда собственными глазами. На картинке все было просто – кольцо зеленого огня, горящего внутри камня, достаточно большое, чтобы через отверстие можно было пройти – но в реальности Врата оказались куда больше и удивительнее, чем в воображении.

Шириной Малые Врата были в два человеческих роста, а исходивший от них мерцающий свет придавал земле и подлеску неестественно зеленый цвет. Всполохи жидкого света пробежали по их поверхности, напоминая колыхание листьев на ветру.

От Врат исходило легкое гудение, как от стеклянного колокола, по которому ударили один раз, но он продолжает вечно резонировать.

У Ксорве возникло неприятное ощущение, что ей, возможно, запрещено покидать Ошаар, но она постаралась выкинуть эту мысль из головы. Сетенай был прав: они уже очень далеко.

– Нужно просто пройти сквозь них? – спросила она. – Они обжигают?

Сетенай протянул к ней руку, мерцавшую в свете Врат, и Ксорве ухватилась за нее. Они вместе шагнули вперед, а затем закружились, будто две веточки в водопаде. Ксорве проваливалась в бездну, не чувствуя собственного веса.

Первым, что она услышала, когда они приземлились, был шум ветра. Ксорве подставила свободную руку – второй она накрепко вцепилась в Сетенаю, – под воздушный поток. Какое-то время единственным, что она осознавала, был ветер под ладонью.

– Это Лабиринт Отголосков, – произнес Сетенай. Зрение потихоньку возвращалось, и она уставилась на Лабиринт, пытаясь разобраться в нем. Они стояли на выступе, а вниз резко уходила лощина, так глубоко, что туда не доходил свет. Из темноты проступали очертания скалистой тверди – они напоминали уродливых невест, укутанных фатой и кольцами тумана. Небо, будто яичная скорлупа, проглядывало фрагментами, – но не там, где полагается быть небу.

Сетенай указал на тропинку, змеившуюся вдоль скалы.

– Сюда, – сказал он – Это недалеко. Лабиринт – это просто остановка. Великий перевалочный пункт между мирами.

Ксорве кивнула, хотя не поняла ни слова, и последовала за ним. Он говорил о путешествиях по Лабиринту словно о передвижении на лошади или повозке. Ксорве знала, что через Лабиринт проходят, чтобы попасть в другие миры, чужие земли, опасные места, так непохожие на Ошаар, – но она и вообразить себе не могла ничего подобного.

Они шли и шли, и Ксорве задалась вопросом, что по меркам Сетенай означает *недалеко*. Это был самый долгий путь в ее жизни. Они миновали расселины под каменными арками и протискивались сквозь узкие проходы в скале. Они шагали по дну ущелья, в стенах которого высоко вверху, недостижимые, сверкали пещеры, похожие на огромные изумруды. Звук, который они издавали, словно пели друг другу над бездной, напоминал далекий хор. Ксорве поехала.

Время от времени они устраивали передышку, и Ксорве спала. Как-то раз они увидели вдалеке корабль, проходивший сквозь Лабиринт: остов из отполированного дуба, надутые паруса, похожие на грибы. Будь они рядом, он показался бы Ксорве огромным и ярким, но туман Лабиринта приглушил его краски, и корабль миновал их в полнейшей тишине.

Из-за всех этих чудес она далеко не сразу поняла, что скучает по Дому Молчания. Ей не хватало ее кельи. Она скучала по распорядку дня: молитвам в определенные часы, подношениям богу, ужинам в трапезной и всему прочему. Она навсегда лишилась этого. Даже если бы она осталась, этому уже не бывать. Не заведи ее с собой Сетенай, она была бы уже мертва.

Эти мысли маячили у нее за спиной, точно огромные тучи, от которых нельзя было скрыться, но она делала все возможное, чтобы не смотреть правде в лицо: она предала свой народ. Предала свое предназначение. Предала своего бога.

Она скучала по дому. Ее убили бы, если бы она осталась. Но она все равно скучала.

Ну что ж, сказала она себе, теперь она далеко, и у Сетенай на нее другие планы.

В конце концов они покинули Лабиринт, перейдя через другие Врата в другой мир.

Ксорве изо всех сил пыталась скрыть от Сетенай, что все это было ей в новинку и ужасно пугало. В прошлой жизни ей случалось сопровождать настоятельницу, когда та совершала ежегодную церемонию посещения верующих в деревнях в нескольких днях пути от Дома Молчания. Теперь же она не могла и представить, как далеко они забрались. Очень далеко не только от Дома Молчания, но и самого Ошаара, где царствовал Неназываемый.

Покинув Лабиринт, они оказались на берегу озера. Клин белых птиц пролетел мимо, напомнив россыпь лепестков на темной листве.

– Что это за мир? – спросила Ксорве, потому что «Где мы?» прозвучало бы слишком по-детски. Птицы стали первыми живыми существами, которые встретились им за это время.

– Древний и спокойный, – ответил Сетенай. – Как ни прискорбно, я не знаю его названия.

– А здесь есть люди? – спросила она.

– Нет, – ответил он. – Думаю, нам пока лучше их избегать. – Взгляд его был мрачен, но заметив, что Ксорве на него смотрит, Сетенай улыбнулся. – В университетах Тлаантота десятки мудрецов заняты тем, что составляют списки миров и описывают их население. Боюсь, я к ним не отношусь. Но когда мы там окажемся, ты можешь спросить их, если тебе все еще будет интересно.

– Вы родом оттуда? – Ксорве не рискнула выговорить «Тлаантот». Учитывая ее кльки, это слово скорее походило бы на плевок. – Мы собираемся туда?

– Конечно, – ответил Сетенай. – Однажды. Тлаантот – великолепнейший из городов. Тебе там понравится.

Он прошелся вдоль берега, изучая камни. Пару раз он поднимал плоский камешек и отправлял его по воде.

– На что он похож? – спросила Ксорве, подбежав, чтобы догнать его. В Доме Молчания было не принято задавать много вопросов, но Сетенаю, по всей видимости, нравилось давать объяснения.

– Тлаантот – университетский город, – сказал он и тут же нахмурился, осознав, что это слово ей незнакомо. – Это место обучения. Или, по крайней мере, было таковым. Не знаю, что сотворили с ним мои враги. – Он криво усмехнулся. – Я должен кое в чем признаться тебе, Рабыня Опустошения. Ты доверилась скитальцу. Тлаантот находится далеко отсюда, а я такой же изгнанник, как и ты. Путь туда мне заказан. Враг отобрал мой город и вышвырнул меня оттуда.

Ксорве смотрела на круги, расходящиеся по воде, и пыталась осознать сказанное.

– Он тоже маг?

– Не особенно искусный, – ответил Сетенай.

– Значит, вы все-таки маг, – с лукавым видом сказала Ксорве. – Все вокруг называли вас волшебником, но я ни разу не видела, чтобы вы использовали магию.

Сетенай рассмеялся.

– Я слишком далеко от моего божества, – сказал он. Склонив голову, он ненадолго задумался. – Маги твоего народа обращаются к Неназываемому. Они черпают свою силу в Святилище. Но моя богиня слишком далеко. Она вряд ли услышит, если я буду взывать к ней, а я не хочу понапрасну тратить силы.

– А я... то есть вы... вы хотите обучить меня магии? – спросила она. Ее охватила тревога: она ничуть не хотела обращаться к Неназываемому.

– Нет, – ответил он. – Магии нельзя научиться, как ремеслу. Она дается от рождения. Само собой, маг должен учиться и развивать свои умения, как все, у кого есть дар, но сам по себе этот дар нельзя развить. И от него нельзя избавиться. Я от рождения связан с богиней и никогда не смогу освободиться. Неназываемый не обладает над тобой такой властью. Он говорил твоими устами, но ты никогда не использовала его могущество в своих целях.

Он швырнул еще один камень, но тот отскочил лишь раз, а затем плюхнулся в озеро.

– В определенном смысле для тебя так даже лучше, – заметил он. – Использование магии истощает тело.

– Даже ваше? – спросила Ксорве.

Он улыбнулся.

– Секрет в том, чтобы уметь заранее предсказать расплату. Но я не использую магию без нужды.

Он наклонился и выбрал другой камень.

– Мой враг считает, что раз я не могу попасть в Тлаантот, то я отрезан от божества. Он расставил мне препятствия на каждом шагу. Но он недооценивает меня.

На этот раз камень трижды отскочил от поверхности воды, и радостный Сетенай повернулся к Ксорве.

– И он едва ли мог предугадать твое появление.

На дальнем конце озера располагались следующие Врата, и они снова попали в Лабиринт. Вскоре Ксорве уже привыкла к нему. Они проходили сквозь множество горных проходов, через серые пустоши и голые склоны холмов, в другие миры – и снова оказывались в отдаленных

уголках Лабиринта, двигаясь подобно иголке, что тянет за собой нить с одного конца холста в другой. Порой они видели птиц и деревья, но люди им не встречались. Ксорве это больше не удивляло, поскольку она знала, что Сетенай избегает какого-то могущественного врага.

А затем они вышли из Лабиринта Отголосков, и Ксорве впервые в жизни увидела город.

Сначала он показался ей грязным и бестолковым. Стояла невыносимая жара. Воняло навозом, по́том и опилками. Пыль забивалась в нос и рот. А хуже всего было то, что вокруг стоял ужасный гвалт, все перебивали и перекрикивали друг друга.

Ксорве прикрыла уши руками и спрятала лицо в одежде. Они стояли у некоего подобия конюшни, где Сетенай договаривался о покупке повозки. Едва повозка перешла в их распоряжение, Ксорве с несчастным видом забилась в дальний угол.

На постоялом дворе было еще хуже. Из других комнат слышались кашель, ворчание и взрывы противного, злобного смеха. Ночью лучше не стало. Окруженная голосами, Ксорве не могла отделаться от ощущения, что за ней наблюдают.

На следующее утро ее разбудил Сетенай. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он в прекрасном настроении: его острые уши трепетали, глаза сияли, и он словно пружинил каждой клеточкой. Ему явно не хватало городской жизни. Ксорве натянула на голову одеяло.

– Мы идем на рынок, – объявил он.

Рынок был еще более грязным, шумным и сумбурным, чем она представляла. Вокруг сновала многоголовая толпа, все кричали, глазели, хватали. Сжав кулаки, Ксорве прижала руки к бокам. Она слышала от жриц, как отвратительны и испорчены города, и теперь убедилась в этом своими глазами. Она не могла взять в толк, как можно жить в таком месте и не сойти с ума.

В попытках сохранить спокойствие Ксорве молилась про себя, чтобы Неназываемый разверз землю и поглотил город.

– Ты привыкнешь, – сказал Сетенай.

В это верилось с трудом. Толпа напоминала ей Неназываемого, только люди вели себя еще агрессивнее. Они бездумно напирали на нее, грозя смести прочь.

Держаться за руку Сетенай она отказалась. Если бы он осознал, насколько она беспомощна, он бы тысячу раз пожалел, что спас ее из Святилища.

Толпа все разрасталась и сгущалась, и Ксорве споткнулась о чью-то ногу. Она упала навзничь, и небо тотчас же исчезло – его заслонили клетки с цыплятами, три цепные собаки, гурьба детей в лохмотьях, – но прежде чем ее затоптали до смерти, Сетенай пришел ей на выручку. Он отпихнул продавца цыплят и помог Ксорве подняться.

– Держись за мою руку, – сказал он. – Ты скоро разберешься, как здесь надо идти. После этого станет куда легче.

Прокладывая путь сквозь толпу, он подвел ее к лестнице у бокового входа в какое-то здание. Встав на нижней ступеньке, она покачала головой.

– Ну же, – сказал он, – доверься мне.

Она последовала за ним, опираясь на его руку, и вскоре они очутились в саду на крыше, где пышно росли папоротники и необычные высокие цветы. Здесь никого не было, и Ксорве понемногу начала успокаиваться. В центре сада стояла старая колокольня. Сетенай указал на лестницу.

С вершины колокольни открывался вид на весь город. Он хаотично разросся от серых холмов вдали, будто лишайник на камне, обрушиваясь на собственные древние стены. Он был громадным, но теперь она хотя бы могла видеть его границы.

– Тебе страшно? – спросил Сетенай.

Ксорве сглотнула. Она не могла заставить себя кивнуть.

– Ничто в этом мире не должно тебя пугать, Ксорве, – сказал он. – Ты посмотрела в лицо своей предначертанной смерти и отреклась от нее. Ничто в этом или любом другом мире не заслуживает твоего страха.

– Да, господин, – сказала она. Она слишком плохо себя чувствовала, чтобы обратить внимание на его слова, но позднее часто их вспоминала.

– Видишь Врата? – спросил Сетенай.

Они парили над пристанью в отдалении. Из-за дымки Врата казались поблекшими и желтоватыми, как болезненная луна, плывущая в марева.

– Мы здесь не навсегда, – сказал Сетенай. – Мы укроемся здесь на какое-то время от моих врагов, чтобы отдохнуть, и ты сможешь учиться без постоянной оглядки. Но это не дом. За теми Вратами – Тлаантот, и он ждет нас.

Этот город носил название Серый Крюк. Сетенай сразу объяснил, что выбрал в качестве прибежища именно его, потому что люди здесь говорили на родном языке Ксорве, а еще потому, что они любезно не лезли в чужие дела.

Сетенай, однако, не стал объяснять, как именно теперь будет устроена их жизнь. По всей видимости, он надеялся, что она сама во всем разберется – и так оно и случилось.

Он по-прежнему разговаривал с ней так, будто ему было с ней интересно. Она часто сопровождала его, когда он ходил в город по делам, и они вместе обедали. Чаще всего они питались тушеной чечевицей, которую покупали у одного из торговцев на площади возле постоянного двора, потому что готовить Сетенай не умел.

Оказалось, что Сетенай был всерьез намерен платить ей содержание. Она не понимала, за что именно, но спросить не рискнула. Что, если она спросит, зачем он привел ее сюда, а он признает, что совершил ошибку?

С учетом трат на жилье и еду выходит невесть какая большая сумма, признался Сетенай, но все же это были *деньги* – Ксорве едва ли когда-то видела деньги, и уж тем более ей не доводилось их иметь.

Честно говоря, она ненавидела эти деньги, потому что считала их незаслуженными. Горстка медных монет за то, что она сидит в комнате и трясется от страха перед внешним миром? Так не может продолжаться вечно. Рано или поздно Сетенай поймет, что оплачивает ее страхи. К этому моменту ей пора бы собраться с мыслями.

В первый раз она заставила себя выйти за порог постоянного двора в одиночестве, чтобы решить вопрос с завтраком. Сетенай не был ранней пташкой, а есть было нечего. Было бы неплохо раздобыть завтрак до того, как он проснется. Ксорве знала, где продается еда. Рынок на площади оживал на рассвете. В этом нет ничего сложного. Здесь говорят на ее языке, так что ее все поймут. Ей уже четырнадцать. Большинство девушек ее возраста уже зарабатывают себе на жизнь.

Ничто в этом или любом другом мире не заслуживает ее страха. Все это чудесно, но взбираться по ступеням к Святилищу Неназываемого – совсем не то же самое, что покупать еду. Ксорве всю жизнь готовилась к смерти, а не к разговорам с незнакомцами.

На рынке торговали вкусами, которые Ксорве никогда не доводилось пробовать, она и названий таких никогда не слышала – томаты, острый перец, корзины фруктов, похожих на огромные хрупкие самоцветы – зато яйца, хлеб и лук стоили дешево и были ей прекрасно знакомы.

– Будьте любезны, шесть яиц, – сказала она у прилавка торговца курицей. Она постеснялась спросить, сколько они стоят, поэтому просто протянула ему горсть монет в кулаке в надежде, что он ее не обманет.

Торговец был родом из Ошаара, что могло бы помочь, но, услышав выговор Ксорве – такой знакомый чистый выговор родных земель, – он прищурился, прикидывая, не насмехается ли она над ним. И решил вместо этого посмеяться над ней.

– Сколько яиц, госпожа?

Она повторила. Внезапно она разозлилась. Знай он, кто она такая, он не посмел бы так с ней разговаривать.

Ксорве постаралась подавить гнев. Она больше не та, кем была. Не Избранная невеста. Никто больше не придет к ней за пророчеством. Она всего лишь очередной безликий покупатель, и к концу дня торговец о ней и не вспомнит. Тем лучше.

Торговец был слегка разочарован тем, что она ему не подыграла, но от денег не отказался.

– Ты сегодня одна, без своего господина? – спросил он, передавая ей яйца.

– Верно, – ответила Ксорве, чувствуя прилив гордости. – Я покупаю завтрак.

Вернувшись, она пожарила лук на сковороде над очагом и добавила туда взбитые яйца. Вышло не то чтобы красиво, зато очень вкусно: кремовые яйца с вкраплениями золотистого лука. Свою порцию он съела прямо со сковороды. Когда она собирала остатки коркой хлеба, появился Сетенай.

– Я и не знал, что ты умеешь готовить, – сказал он. Он все еще был в ночной рубашке, с повязанным вокруг головы шелковым шарфом.

– Ешьте, а то будет невкусно, – сказала она, протягивая ему тарелку.

Он моргнул и протер глаза, словно не мог поверить в происходящее.

Ксорве была рада, что он не задавал вопросов. Ей не хотелось объяснять, что в Доме Молчания ей приходилось работать на кухне. Пусть лучше Сетенай думает, что у нее прирожденный талант. Свою порцию он съел с видимым удовольствием.

После завтрака он взбодрился и стал расспрашивать Ксорве о ее беседе с торговцем.

– Ошаарский сгодится здесь, в городе, – сказал он, – но когда мы вернемся домой, ты должна разговаривать на языке моего города как на родном. Тлаантотский язык очень красив, и я буду учить тебя сам. Тебе когда-нибудь приходилось изучать другой язык?

– Оранна, хранительница архивов, пыталась научить меня, – ответила она неуверенно. – Я умею читать старые книги.

– Вот как, – заметил Сетенай. Его глаза лукаво сузились. Ксорве тут же вспомнила о том, что он тоже знаком с Оранной, вспомнила, как она подсматривала за ними, когда они что-то замыслили в библиотеке в неурочное время.

Ксорве внимательно следила за тем, что ответит Сетенай. С каждым новым днем в Сером Крюке Дом Молчания становился все менее реальным, будто четырнадцать лет ее жизни были всего лишь видением, навеянным лотосом. Она не знала, каково это – заговорить с Сетенаем обо всех, кто остался в прошлой жизни – станут ли они от этого снова реальными, и хорошо это или плохо.

– В течение многих веков Неназываемого прославляли на разных языках, – продолжал Сетенай. – Хотя он явно предпочитает, чтобы они молчали. Забавно. И как продвигались ваши занятия?

Оранна была не слишком терпеливой учительницей. Ксорве честно старалась, но в библиотеке было так тепло и уютно, что ее клонило в сон, и сосредоточиться было нелегко.

– Я умею спрягать глаголы в настоящем времени, – ответила она. Если Сетенай считает ее достойной обучения, она не собирается признаваться в обратном. *«Королева спит в замке, слуги несут послание своему господину».*

– Отлично, – сказал Сетенай. – Если ты освоила это бестолковое занятие, то дело за малым. Подходи и садись рядом. Мы начнем с тлаантотского алфавита.

Как-то раз Сетенаю пришло зашифрованное письмо, содержащее какую-то важную информацию.

– Значит, у меня еще остались друзья – он подмигнул Ксорве.

Они съехали с постоялого двора и переселились в комнаты над винной лавкой. Зашифрованные письма приходили один-два раза в месяц: в них друзья из Тлаантота сообщали ему о действиях врага.

Ксорве узнала, что имя врагу было Олтарос Чаросса, и хотя Сетенай произносил его только шепотом, это имя из шести слогов звучало неприязненно. Маг-узурпатор, это он отправил Сетенай в изгнание.

Пока Сетенай строил планы, Ксорве училась. Трижды в неделю они говорили только на тлаантотском, и язык давался Ксорве легче, чем она думала. Ей нравилось говорить с Сетенаем на его родном языке, хотя она по-прежнему не понимала его шуток.

Сетенай настоял, чтобы она потратила часть своих денег на одежду. Ее нынешний гардероб состоял из порядком изношенных и плохо сочетающихся между собой накидок и обтягивающих штанов, приобретенных с рук на рынке в Сером Крюке. Платье, в котором она была в тот день, когда поднималась по ступеням к Святилищу, теперь было аккуратно сложено и спрятано в ящик, к которому она не прикасалась.

Сетенай не дал никаких указаний, так что она задумалась. Одежды самого Сетенай были богато расшиты, пусть даже наряды эти порядком истрепались и не раз штопались. Ксорве подумала, не стоит ли ей подобрать что-то похожее, но отказалась от этой идеи: ей не хотелось выглядеть кошкой, пытающейся подражать тигру.

Ей никогда раньше не доводилось выбирать себе одежду, и она не хотела оказаться посмешищем. Все было гораздо проще, когда она была Избранной невестой – Ангвеннад просто приносила ей наряд, подобающий каждому дню. В конце концов лавка портного надоела Ксорве, и она выбрала пару простых накидок и плащ из кожи ягненка.

Когда она вернулась, Сетенай был в хорошем расположении духа.

– Я тоже купил себе подарок, – сказал он, подзывая ее. – Подойди и полюбуйся на себя.

Подарок оказался зеркалом из посеребренного стекла – оно висело в гостиной. Ксорве никогда не видела ничего подобного. Настоятельница Дома Молчания боролась с тщеславием, так что послушницам и служительницам дозволялось иметь лишь небольшие зеркальца из полированной меди.

Ксорве постаралась умерить свой восторг по поводу зеркала и собственного яркого, такого непривычного, отражения. Серая кожа, серые веснушки и желтые глаза, копна слишком длинных черных волос. Оказалось, что нос у нее с горбинкой – ей это понравилось. В уголках рта виднелись молочные клыки.

И тут ее осенило, что она могла бы не дожить до коренных клыков. Обычно они вырастали в пятнадцать-шестнадцать лет, так что она никогда не задумывалась, как бы они выглядели. Она еще немного посмотрела на себя, а затем спрятала свои чувства, совсем как платье, в дальний уголок, чтобы не думать о них.

Выбор одежды оказался удачным. Она выглядела хорошо, но ничем не выделялась среди посыльных и подмастерьев, бродивших по улицам Серого Крюка. Никто не догадается, что она могла когда-то переступить порог Дома Молчания.

– Что скажешь? – спросил Сетенай. Ксорве, осознав, что все это время не отрывала взгляда от зеркала, отошла и спрятала руки в карманы нового плаща.

– Кажется, мне не мешает подстричься, – сказала она.

На пятнадцатый день рождения, в ознаменование ее первого украденного года, Сетенай подарил ей словарь, озаглавленный «Разнообразные наречия Лабиринта Отголосков для путешественников».

К этому времени молочные клыки у нее выпали, а сама Ксорве занималась с наставником из Карсажа по имени Парца. Изгнанник, он тосковал по родине, а с Ксорве был еще менее терпеливым, чем Оранна.

– С карсажийцами ладить нелегко, – сказал Сетенай. Для Ксорве это новостью не стало. Империя Карсаж, раскинувшаяся во многих мирах, была древней, богатой и достаточно огромной, чтобы слух о ней дошел и до Дома Молчания.

– А ладить с Парцей и того труднее, – продолжил Сетенай. – Но не волнуйся. Тебе нужно узнать их обычаи, для этого необязательно нравиться Парце.

Ксорве слышала, что Карсаж – жестокое и испорченное место, но Парца был холемым и экзальтированным человеком небольшого роста с кожей цвета меди, аккуратной заостренной бородкой и мягкими седыми волосами, которые он собирал в косичку и сворачивал. Еще он постоянно пил кофе, тосковал по родине, страдал из-за слабого желудка и был очень религиозным – но Ксорве трудно было сказать, что из этого характерно для жителей Карсажа в целом, а что – просто личные привычки Парцы.

Карсажийский давался ей с трудом. Слова были непростыми – что-то цеплялось, что-то проглатывалось – и Парца все время критиковал ее произношение. Но Сетенай хотел, чтобы она училась, и она старалась изо всех сил.

У нее и без того была серьезная программа обучения и вереница наставников – большинство из них были чудаками, а некоторые явно преступниками. И языками дело не ограничивалось. Она научилась ориентироваться в городе. Научилась готовить яйца, как принято в Сером Крюке – с острым перцем и маринованными огурцами. Научилась управлять катером и драться – сначала голыми руками, потом ножом, а затем и мечом.

Странное это было место – Серый Крюк. Как-то раз она видела парочку на Мушином мосту – они целовались на виду у всех. В другой раз она уснула после обеда во дворе и обгорела до базальтового цвета. Она познакомилась с ночным городом, научилась различать его голоса, крики, музыку в отдалении. Научилась есть мучных червей и говорить на родном языке с местным акцентом, научилась бегать, карабкаться и красться по темным улицам, научилась правильно сжимать пальцы в кулак перед дракой.

От старых пройдох и солдат, которые были ее наставниками, она узнала о том, какие желания живут в сердце каждого города. Ее научили угрожать, обещать и искусно применять насилие.

Были в Сером Крюке и другие изгнанники из Тлаантота – по большей части такие же высокие и темнокожие, как Сетенай, с длинными заостренными ушами. Но они обитали на другом конце города, и Сетенай не проявлял интереса к общению с соплеменниками.

Вместо этого он под именем «доктор Пелтари» устроился лекарем к Синим Вепрям – обществу наемников, чьи казармы находились на другом конце площади.

Порой Ксорве задавалась вопросом, не скучает ли Сетенай по еде и обычаям Тлаантота, как она, бывало, скучала по капустному супу и напевам, но он никогда и виду не подавал. Он не вдавался в детали, но Ксорве знала, что его изгнали из Тлаантота, что его враги лгали, строили заговоры и настраивали народ против Сетенай. У него до сих пор оставались друзья, которые присылали ему зашифрованные послания, но любой незнакомый тлаантотец мог оказаться шпионом Олтароса Чароссы.

На шестнадцатый день рождения Ксорве Сетенай вручил ей торосадский меч из многослойной стали и получил для нее разрешение проходить тренировки вместе с новыми рекрутами Синих Вепрей.

Ксорве с ужасом ждала этого. Она отвыкла от общества сверстников. Наверняка все эти Синие Вепри хорошо друг друга знают. Они будут шутить на понятные им одним темы и презирать незваную гостью.

Все оказалось даже хуже. Единственная ошаарка и девушка в команде, она к тому же была самой юной и самой низкорослой, и Вепри не воспринимали ее всерьез. Но вскоре они осознали, что она также самая проворная и безжалостная, и что она тренировалась дольше многих. Когда однажды во время тренировки она свалила наземь огромного капрала Валмина, с ней стали считаться.

Синие Вепри отпускали длинные волосы с одной стороны и полностью сбрасывали их с другой. Через несколько месяцев они взяли Ксорве с собой к цирюльнику, чтобы сделать ей такую же стрижку.

Когда вечером она вернулась домой, Сетенай был полностью погружен в одно из зашифрованных посланий. Только когда она принесла ему бокал вина, он поднял взгляд и заметил перемену.

– Ты окончательно вступила в ряды Вепрей? – спросил он. Под обычной веселостью крылось еще какое-то выражение. Ксорве уставилась на него и с ужасом подумала, что он расстроен, что она чем-то обидела его.

– Нет! – ответила она. – Нет, они просто ходили стричься, я не думала, что вы будете возражать...

– С чего ты взяла, что я против? – к нему тут же вернулось хорошее расположение духа. Ксорве решила, что ей могло померещиться. Не мог же он решить, что она собирается бросить его и стать наемницей?

Иногда она думала – жаль, что они не могут остаться в Сером Крюке навсегда. Жаль, что она не сможет вечно знакомиться с крышами города, готовить яичницу и заучивать глагольные формы с Парцей.

Однажды они покинут город – день отъезда всегда маячил перед ней на горизонте. Ей нравились Валмин и другие, но только благодаря Сетенаю у нее вообще появились эти годы.

– Вепри – очень уважаемое сообщество, – добавил он, – и если ты хочешь остаться с ними...

– Нет, – страстно перебила она, мысль о том, что он мог счесть ее такой неблагодарной, едва не разозлила ее. – Я не присоединюсь к ним. И вообще они обращаются со мной, как с ребенком.

Так и есть, сказала себе Ксорве, вспомнив к своему стыду, как она ехала на плечах Валмина, возвращаясь от цирюльника.

– Если тебя влечет солдатская жизнь, я не буду тебя останавливать, хотя должен предупредить, что с большой вероятностью ты лишишься какой-нибудь конечности, – сказал он. – Но ты сама знаешь, что мы не останемся здесь навсегда.

– Я знаю, – сказала она. У них не было будущего в Сером Крюке, и ни к чему было здесь обустраиваться. – Тлаантот.

Сетенай наконец-то улыбнулся – какое облегчение. Напряжение Ксорве спало с легкостью чайнок, всплывающих на поверхность.

За Вратами Серого Крюка, за Лабиринтом, город Сетенай по-прежнему ждал их. Для этой цели ее избрали, к этому ее готовили. Однажды – возможно, совсем скоро – они отправятся домой, чтобы свергнуть Олтароса Чароссу.

3

Оберег

Однажды им пришло новое письмо – Сетенай тогда был в отъезде с Вепрями, а Ксорве в очередной раз билась над сослагательным наклонением прошедшего времени.

– Почему ты такая непонятливая? – возмущался Парца. – Ты не можешь отправиться в Карсаж, разговаривая так, как ты говоришь, иначе тебя примут за варвара и будут смеяться тебе в лицо. Еще раз. Мы проходили это на прошлой неделе. *Если бы я тогда поехал в город*, – нараспев читал он, постукивая пальцем по обложке словаря в такт словам. Клинышек его бородки качался вверх-вниз, точно клюв птицы, клюющей червяка.

– Если бы ты тогда остался дома, – пробурчала она, выставив вперед клыки, пока он не видел. Ее коренные клыки начали расти в прошлом году. Они почти достигли нужной длины, но иногда десны болели, особенно во время уроков Парцы. Служанка из винной лавки постучала в дверь – пришло письмо, и Парца недовольно поморщился, но Ксорве не обратила на это внимания.

Послание было на редкость увесистым – тяжелый сверток, обернутый вошеной бумагой, перевязанный несколько раз шнуром и запечатанный куском сургуча без клейма. Сверху аккуратным почерком было выведено имя: «Белтандрос Сетенай».

Ксорве не спеша расплатилась и поблагодарила служанку. До конца занятия с Парцей оставалась четверть часа, и она не собиралась упускать ни одной минуты передышки.

– Хватит тянуть, – крикнул Парца из гостиной. – Я не уйду, пока ты не скажешь это без ошибок. Мне некуда спешить.

– Ясно теперь, почему тебя выгнали из Карсажа, – пробормотала Ксорве себе под нос и вернулась в комнату с посылкой в руках.

– Я должна это прочесть, – сказала она. – Это может быть что-то важное.

Отчасти это было правдой. Она часто помогала Сетенаю с перепиской. Для нее это было хорошей возможностью поупражняться в языках. Если это письмо зашифровано, она не сможет его прочесть, но пока распакует и изучит содержимое в комнате Сетенай, сократит время занятия с Парцей еще секунд на тридцать.

Парца вздохнул и принялся перебирать свои бумаги – вмешиваться в дела Сетенай он не собирался. Ксорве села за стол и принялась обрезать бечевку.

Перерезав последний узел, она вдруг осознала, что упустила нечто важное. Письма для Сетенай всегда присылались на имя Пелтари. Его настоящего имени никто не знал.

– Черт, – сказала она.

– Ну и выражения, – заметил Парца, прищелкнув языком. – Но иного и не следовало ожидать, раз доктор Пелтари позволяет тебе якшаться с уличным отребьем...

Ксорве не слушала его. Пульс участился, в груди начал разрастаться ужас. Она судорожно оттолкнула сверток – сургучная печать начала разваливаться на куски и превращаться в пыль.

За печатью на бумаге обнаружился бурый символ из завитков и спиралей. Ксорве почувствовала себя так, будто откусила кусочек персика и обнаружила внутри клубок червей.

– Что ты... – сзади подошел Парца. – *Колдовство*, – произнес он тихим, но суровым тоном, какого от него никогда не слышала Ксорве. – Клянусь Матерью всех городов, это нечестивый дом...

– Это прислали почтой, Парца, – сказала Ксорве. Она отодвинула стул и встала, не отрывая взгляда от свертка. Задержала дыхание, как учили, изо всех сил пытаясь подавить подступающую панику. Что, если сверток взорвется? Она почти ничего не знала о магии – что ей делать?

Парца, продвигаясь к двери мимо дивана, молился на карсажийском. Ксорве было не до него.

Письмо начало распечатываться само по себе. Листки бумаги разворачивались с сухим жестким шелестом, подобным шороху чешуи на песке. Резко запахло раскаленным металлом, опаленными волосами – и чем-то еще, с чем Ксорве давно не сталкивалась. Аромат благовоний, намеков на лотос.

– Во имя богов, – выдохнул Парца. Прижавшись к входной двери, он сражался с засовом. – Беги же, дуреха, нельзя на это смотреть.

Ксорве вовсе не хотела видеть содержимое свертка. Но как она будет смотреть в глаза Сетенаю, если вдруг их дом сгорит, взорвется, или случится что-то еще?

Со спокойствием, которого она от себя не ожидала, она вернулась к столу, за которым проходили занятия, и схватила словарь Парцы – внушительный том из кожи и пергамента, тяжелый как булыжник.

Письмо все еще разворачивалось. Ксорве подняла книгу над головой и обрушила ее на свертки. Что-то хрустнуло, и наступила тишина.

Ксорве опустилась на стул – до нее дошел весь ужас положения – и молча наблюдала. На всякий случай. Удостоверившись, что свертки не собираются оживать, она выбралась из квартиры на лестницу и встретила там Парцу.

– Я разобралась с этим, – сообщила она.

– Ты не можешь *разобраться* с магией, – ответил он, испепеляя ее взглядом. Парца часто так делал, но в этот раз к злости примешивался страх.

– Видимо, мне стоило последовать вашему примеру и сбежать, – заметила Ксорве.

– Да, – ответил Парца. – Если бы ты воспитывалась в цивилизованной стране, ты бы это знала. Убежать прочь и сообщить в Инквизиторат – правда, едва ли в этом проклятом мире есть отделение...

– Я просто уронила на него словарь, – сказала Ксорве, зная, что он взбесится.

– Мой словарь! – вскричал Парца. – Что... – он осекся. Она проследила за его взглядом и увидела, как что-то просачивается из-под входной двери.

Клубы какого-то темного вещества, похожего на жидкий дым, струйками расходились в разные стороны и ползли по полу к ним.

– Клянусь Матерью всех городов! – взвизгнул Парца. – Ты же якобы разобралась с этим?

Дым распространился уже на несколько метров от двери, он двигался куда быстрее, чем можно было ожидать. Дым поднимался вверх толчками, а затем собирался в тонкие черные щупальца. Ксорве казалось, что они тянутся к ней. Она пожалела, что оставила меч внутри, пусть даже толку от него было немного.

На мгновение она застыла, испытывая чувство вины и ужаса и глядя на движущийся дым. Парца вытолкнул ее перед собой, чтобы щупальца не добрались до него.

– Магия отвратительна богам, – сказал он. – Да простят нас Девятеро...

Она должна предупредить тех, кто внизу. В винной лавке это час самой оживленной торговли. Там собрались десятки людей, не подозревающих о том, что творится наверху.

Сетенай изо всех сил старался жить неприметно. Он никогда не пользовался магией. Но теперь им придется покинуть Серый Крюк. Парца видел слишком много, а уж если десятки завсегдатаев вынуждены будут сбежать из винной лавки – и того хуже. На этом их безбедная жизнь закончится.

Ксорве знала, что рано или поздно так и случится, но ей невыносимо было думать, что она сама поставила на этой жизни крест своими бездумными поступками. Зачем она приняла послание? Она все испортила просто потому, что ее раздражал Парца.

Парца тем временем продолжал что-то бормотать. Она открыла дверцу стоявшего рядом бельевого шкафа и запихнула его туда. Что делать с ним, она разберется потом – или решит Сетенай.

– Сидите здесь, – сказала она, не слушая его возмущение, – я со всем *разберусь*.

Ксорве захлопнула дверцу и направилась к квартире, расправив плечи и щелкнув клыками, как будто ее напускная бравада могла чем-то помочь.

Она запоздало поняла, что надо было уничтожить символ на конверте. О магии она знала немного, но Сетенай предупреждал ее о подобном. Если удастся избавиться от ключевого знака, остальное развалится на куски, как повозка со сломанной осью.

Если она сможет добраться до стола и порвать бумагу... она не знала, что тогда произойдет, но другого плана у нее не было.

Ксорве открыла дверь в квартиру и шагнула внутрь. Там стояла крошечная тьма. Дым поглотил весь свет, который проходил сквозь ставни. В воздухе пахло могильной сыростью, и этот запах смешивался с ароматом горящего лотоса. Вдохнув, Ксорве испытала знакомое ощущение – тело онемело, в глазах потемнело, во рту она почувствовала привкус ржавчины – и на мгновение поверила, что они возьмут над ней верх. Нежеланные воспоминания затопили разум: зал Дома Молчания, намек на присутствие Неназываемого, тяжесть чаши с кровью в руках.

Сжав кулаки, она отогнала воспоминания. Еще один вдох – и она упадет, начнет бормотать что-то и не сможет ничего сделать с печатью. Задержав дыхание, Ксорве бросилась к столу. Она будто преодолевала сопротивление густого сиропа. На каждый шаг уходило столько сил, словно не было трех лет тренировок, словно она снова стала слабой. Где-то на полдороге она споткнулась о скамейку для ног. Колени подкосились, и, несмотря на все усилия, она вдохнула отравленный воздух. В глазах померкло, ей почудилось, что она падает, под ногами будто разверзлась пропасть.

Нет конца крипам под Домом Молчания, подумала она в панике. Ей никогда не освободиться от них. Куда бы она ни направлялась, они всегда были у нее под ногами, и теперь предъявили свои права на нее.

Нет. Доски пола под ее руками и ногами были настоящими. Она была настоящей и находилась в квартире Сетенай. Она уже не та девушка, что поднималась к Святилищу, не подозревая, как огромен мир за его пределами. Все это осталось позади.

Тело онемело, малейшее движение давалось с трудом. Но ей удалось встать на колени и добраться до стула, а затем и до стола, где по-прежнему поверх растерзанного письма лежал словарь Парцы. Из-под книги клубился дым. Здесь запах был еще сильнее, и Ксорве ощутила сокрушительное давление лотоса на зрение и разум.

Непослушными, напоминавшими пустые перчатки руками она схватилась за книгу, но сил ее поднять у нее не было. В конце концов ей удалось взяться за край свертка и вытащить из-под словаря. Вокруг нее собралось облако дыма, лотос увлекал ее в мир видений.

Поддаться было бы так просто. Один лишь вздох – и она заснет, увидит сон, отдастся на волю темной бездны.

Нет, нет! – подумала она, но колени подкосились, и она оказалась на полу с бумагой в руках. Ксорве злило слабое тело и притупленный разум. Слишком поздно. За эти годы тело ее укрепилось, однако она утратила способность сопротивляться влиянию лотоса. Лишаясь чувств, она успела услышать звук разрываемой бумаги, но уже не могла осознать, что это может значить.

Кто-то поднял ее и понес, она слабо сопротивлялась.

– Ксорве, – сказал чей-то голос, – лежи спокойно. – Это был Сетенай.

Он уложил ее – теперь она это поняла – на диван в их квартире. Дым от лотоса рассеялся. Облегчение быстро сменилось тревогой: Сетенай выглядел безрадостным. Он был одет в униформу Вепрей. Очевидно, он вернулся домой и застал разгромленную квартиру и Ксорве в бессознательном состоянии. Он наверняка в ярости.

– Что случилось? – спросил он ровным голосом, которого она никогда прежде не слышала.

Ксорве было холодно, она чувствовала себя так, будто промокла под дождем. Она разжала негнувшиеся пальцы – в кулаке обнаружился клочок вощенной бумаги.

Сетенай взял его и развернул, разгладив на коленке – на бумаге обнаружилась часть символа, разорванного пополам. Он больше не извивался – совсем как жук, проткнутый булавкой.

Сетенай отдернул руки от символа, как будто тот мог ужалить.

– Это было частью оберега, – сказал он. – Почему ты решила, что сможешь справиться?

– Я не хотела раскрывать наше инкогнито, – сказала она. – Простите.

Закрыв глаза, он медленно выдохнул, явно пытаясь совладать с собой.

– Кажется, тебе придется объяснить, что именно здесь произошло.

Покраснев от стыда, она начала рассказ. Сетенай немного расслабился, узнав, что единственным свидетелем случившегося был Парца.

– Он не из болтливых, – заметил Сетенай. – Возможно, стоит поднять ему жалованье.

Но он все еще казался мрачным. В желудке поднималась тошнота – в дополнение к пульсирующей головной боли от лотоса.

– Там был лотос, – сказала она. – Такой же, как в... вы знаете.

– Знаю, – кивнул Сетенай.

– Простите, – повторила она, опустив взгляд. Он вздохнул.

– Ты приняла неверное решение, – сказал он. – Я ждал от тебя большего. Но ничего страшного не произошло, чему я очень рад.

– Нам придется уехать из города? – спросила она. – Это прислал Олтарос?

Сетенай взял со стола вторую часть письма, развернул и приложил обе половинки так, чтобы ключевой знак совпал.

– Нет, не думаю, – ответил он. Ксорве с облегчением отметила, что его голос звучал заинтригованно. Когда что-то привлекало его внимание, он переставал гневаться. – Если бы Олтарос знал, где мы, он бы явился лично.

Он снова посмотрел на бумагу. Изорванный символ напоминал застарелое пятно крови – неподвижное, но яркое.

– И я очень сомневаюсь, что Олтарос стал бы добавлять к оберегу пепел лотоса. Нет. Это кто-то другой. Кто-то, кто еще меньше расположен ко мне, – он задумчиво улыбнулся, – и все еще лелеет свою обиду.

– Не понимаю, – сказала Ксорве. Она ни за что бы в этом не призналась, не будь она такой измученной. Голова будто наполнилась слизью и булавками. Напряжение сменилось облегчением, и ее клонило в сон. – Мы в опасности?

Сетенай продолжал улыбаться. Казалось, Ксорве пропала из его списка неотложных проблем.

– Не особенно. Это едва ли можно считать серьезным покушением на мою жизнь. А ты и вовсе не должна была открывать послание.

– Я знаю, я не... – ответила она.

Он покачал головой.

– Оно предназначалось мне. Своего рода ход в игре. Маленький отравленный дротик. Оранна может преследовать разные цели, но она не желает мне смерти.

– Оранна... *та самая* Оранна? Хранительница архивов? – удивилась Ксорве.

– Она не простила мне того, что я оставил ее в Доме Молчания, – ответил он.

Ксорве прекрасно помнила, как застала Оранну в архивах вместе с Сетенаем, и взгляд, которым эти двое обменялись. И тут ее осенило, что мог означать этот взгляд.

– Вы хотите сказать... – начала она, но не могла придумать, как сформулировать.

Ей было удивительно трудно представить, что Сетенай мог... вроде как мог... ну, он вовсе не старый... но, может быть, она не так все поняла?

– Между вами была... любовь? – спросила она, не поднимая взгляда. Неправильное слово. Слишком примитивное и обыденное.

– Любовь? – переспросил Сетенай. В его голосе слышалось изумление – как будто Ксорве была попугаем, неожиданно выучившим новое слово. Ксорве вжалась в диван. – Нет, не думаю, – продолжил он задумчиво, как будто такая идея никогда не приходила ему в голову.

От Синих Вепрей она набралась знаний о том, как люди могут проводить свободное время, и узнала всевозможные слова, которыми эти занятия описываются, но думать об этом и Сетенае в одном предложении было выше ее сил.

В последнее время она чувствовала себя умной и искушенной, она научилась владеть мечом и склонять глаголы, но тут она допустила промах. Ксорве зарылась лицом в подушки, чтобы скрыть румянец. Но мысли Сетенай уже снова обратились к письму. Тема была закрыта.

Столешница была припорошена пылью от лотоса, осевшей спиралями вокруг словаря Парцы.

– Хм, – сказал Сетенай, ткнув в книгу кончиком пера. – Безопасность прежде всего.

Он достал перчатки из внутреннего кармана плаща. Ксорве почти никогда не видела, чтобы он их носил: видимо, они предназначались для магических ритуалов.

Перчатки были сделаны из мягкой темной кожи, и, как и все вещи Сетенай, когда-то были расшиты, но за долгие годы вышивка поблекла и стерлась.

Сетенай взял в руки словарь и осмотрел его, подняв бровь. Задняя обложка обуглилась, в ней зияла дыра, и многие страницы оказались прожжены насквозь.

– Придется заплатить за него Парце, – сказал он.

– Простите, – сказала Ксорве. – Это первое, что попало под руку.

Сетенай хитро улыбнулся ей. К нему вернулось хорошее расположение духа, как будто послание Оранны было дружеским письмом.

– А ты сообразительная. И я рад, что раз уж пострадала книга, то не моя, а Парцы.

Он осмотрел стол. Там, где прежде лежал словарь, теперь зияла дыра в столешнице, напоминавшая фолиант очертаниями. Ксорве поежилась – стол был недешевым, но Сетенай, казалось, это совершенно не беспокоило.

– Смотри-ка, – сказал он, собрав пригоршню каких-то тонких предметов с испорченного стола. Ксорве вытянула шею. На ладони Сетенай лежали чьи-то косточки не длиннее спички. Они были плохо очищены – тут и там виднелись высушенная кожа и хрящи. – Нам повезло, что ты уничтожила не все. Мне они пригодятся.

Ксорве отодвинулась в дальний угол дивана, слушая его вполуха. Ей хотелось пить, чтобы избавиться от привкуса ржавчины во рту, но она не могла заставить себя подняться. Новость об Оранне выбила ее из колеи, но она не могла найти этому объяснения. Она не то чтобы считала, будто Дом Молчания и его обитатели перестали существовать после ее побега, – скорее неприятно было осознать, что они все еще так близко.

– А как Оранна узнала наш адрес? – спросила она с дивана.

– Боюсь, дело в том, что я рискнул ей написать, – ответил Сетенай. – Когда-то давно мы обсуждали совместные поиски. Я хотел узнать, интересуется ли ее это по-прежнему. Судя по всему, это ответ.

Он сидел за столом, сортируя кости – череп размером с наперсток, зазубренные кости и прочее.

– Видимо, это значит «нет», – с надеждой заметила Ксорве.

– Хм, – ответил Сетенай. – Не уверен. Видишь ли, это скелет маленькой летучей мыши. Он почему-то был очень доволен. Ксорве заглушила стон подушкой.

– Такие животные не водятся в северном Ошааре. Они предпочитают теплые края. Оранна по собственной воле покинула Дом Молчания. Это не отказ – это приглашение. Очевидно, она напала на след Реликвария.

После того, как Ксорве легла спать, Сетенай ушел, забрав с собой скелет летучей мыши. Он не впервые исчезал ночью. Обычно к утру он возвращался, но в этот раз Ксорве предпочла бы, чтобы он остался. Едва ли Оранна появится в винной лавке и потребует, чтобы Ксорве вернулась к Святилищу или что-то в этом роде – но без Сетенай комнаты казались менее безопасными: совсем как чашка, которая дала трещину, хотя из нее по-прежнему можно пить.

Ксорве никак не могла выкинуть из головы мысли об Оранне и Сетенае. Как будто она упустила из виду важные черты его личности и не знала об этом. Она задавалась вопросом – какой он, когда его нет рядом.

Ее разбудил стук в дверь. На дворе была ночь, Сетенай вернулся. Он вручил ей финиковое печенье и попросил собрать вещи.

– Почтовый корабль отплывает через час, – сообщил он как нечто само собой разумеющееся.

– Я тоже еду? – спросила она, не проснувшись окончательно. – Куда мы отправляемся?

Она уже понимала: бессмысленно напоминать ему, что утром ее ждет тренировка, а днем занятия.

– В Эчентир. Истребленный город, – ответил он. Ей это ни о чем не говорило. – Возьми с собой меч и теплую одежду.

– Как обычно, – заметила она, роясь в шкафу в поисках зимней одежды. – Мы надолго уезжаем? – спросила она, но Сетенай уже вышел из комнаты.

Ночь была в самом разгаре, но на пристани толпились люди. Впереди вырисовывался силуэт почтового корабля – это было огромное, тяжело нагруженное, слегка накренившееся судно. Ксорве и Сетенай прошли мимо женщины, спорившей с матросом по поводу перевозки контейнера с живыми угрями, мимо грузчиков, кативших бочки с араком, а затем поднялись по трапу и оказались на борту.

Сетенай взял им отдельную каюту. Ксорве бросила сумку на верхнюю койку и уставилась в иллюминатор. Корабль успел отчалить и уже летел в сторону Врат Серого Крюка.

– Где находится Эчентир? – спросила Ксорве. – Я слышала разговоры на борту: все остальные, похоже, думают, что мы летим в Торосад.

Торосад был крупнейшим городом Ошаара. Оттуда до Дома Молчания было очень далеко, но Ксорве подобное соседство все равно не радовало.

– Они летят в Торосад, – ответил Сетенай. Заметив ее угрюмое лицо, он добавил: – Эчентир расположен в мертвой зоне. Никто в здравом уме не отправится туда. Когда корабль остановится на заправке, мы найдем лодку и полетим туда сами.

Врата были уже совсем близко. Иллюминаторы наполнились зеленым светом, мерцающим так, будто внутри бились тысячи крыльев. Ксорве выглянула и увидела очертания Врат – сквозь эту громадину могла пройти дюжина почтовых кораблей.

Это было первое путешествие Ксорве сквозь Врата с тех пор, как они осели в Сером Крюке. Оказалось, что пересекать их на борту корабля гораздо приятнее, чем пешком. Чувство выпадения из реальности никуда не делось, но толстые доски корабля придавали устойчивости. Это успокаивало: Ксорве казалось, что она выпала из реальности с того момента, как открыла проклятое письмо, и падение никак не закончится.

– По-вашему, Оранна в Эчентире? – спросила она, тщательно подбирая слова. Сетенай не любил, когда ему задавали много вопросов – или задавали глупые вопросы. – Летучая мышь была подсказкой.

– Верно, – ответил он. – Эта летучая мышь была жива много столетий назад, когда джунгли Эчентира были зелеными и густыми. Но если внимательно присмотреться к структуре костей, станет ясно, что они истончились из-за магии. В Эчентире случилась катастрофа, погубившая все живое – отсюда и мертвая зона, – а затем кости подверглись еще одному магическому вмешательству. Кажется, она оживила несчастное создание.

При других обстоятельствах Ксорве просто кивнула бы с умным видом, но сейчас она все еще пыталась понять, какое место занимает Оранна в картине мира Сетенай.

– И вы думаете, что она нашла Реликварий, – предположила Ксорве. – Или что она знает, где его искать. Что-то в этом роде.

– Хм, – протянул Сетенай, устраиваясь на нижней койке – Не уверен. Я удивлюсь, если так оно и есть. Скорее, она думает, что у нее есть зацепка.

Сетенай явно собирался спать, поэтому Ксорве забралась на верхнюю койку и положила рюкзак под голову.

– Но мне интересно узнать, почему она пришла к такому выводу, – сказал он. – Я начал поиски Реликвария еще до твоего рождения. Разве что она наконец-то отыскала что-то в библиотеке Дома Молчания...

Спустя все эти годы Ксорве ничего не знала о Реликварии Пентравесса – только то, что она видела в своем видении. Палисандровый восьмигранник – древний и драгоценный. Еще она думала, что Пентравесс – это имя, а не место, но это была просто догадка.

По натуре Ксорве была не очень любопытна, а в Доме Молчания сразу давали понять, что будет, если сунешь нос не в свое дело. Но ей было очень интересно, что же могло заставить Сетенай проглотить гордость и поспешить к Оранне. Пусть даже она ему нравилась – или когда-то нравилась, или между ними было что-то близкое к взаимному интересу – его не так-то легко было заставить тут же сорваться с места.

Не сводя взгляда с перекрещенных балок на потолке каюты, она старалась придумать, как же ей аккуратно поднять эту тему.

– Кем он был? – спросила она в конце концов. – Пентравесс.

– А, – ответил Сетенай. Она не видела его лица, но голос звучал тепло и сонливо. Он умел быстро расслабляться, даже если всю ночь бегал и строил планы. – Пентравесс. Повелитель Механизмов.

Ксорве должна была понимать, во что ввязывается. Она натянула одеяло на себя и стала слушать.

– Пентравесс родился более трех тысяч лет тому назад в Ормарии, ныне не существующей стране. Неизвестно, кем были его родители, но он стал величайшим волшебником – величайшим изобретателем – возможно даже, величайшим гением всех времен.

Пойми правильно: до Пентравесса магия была просто молитвами. Волшебники были пророками, связанными с божествами, сумасшедшими и истерзанными собственными силами. Они умели исцелять и ранить, вызывать видения, пропускать магию прямо через себя, но их ограничивали собственное тело и разум.

Пентравесс первым открыл, как можно направлять силу божества в материальный мир, легко контролировать и ограничивать ее, закреплять заклятья ключевыми знаками. Корабль, способный пересечь Лабиринт, алхимический двигатель, добрая половина современной медицины – все это его открытия. Его покровителем была богиня старого порядка, которая требовала поклонения, верности и жертвоприношений. Но я думаю, она тоже смотрела в будущее.

Кое в чем Пентравесс, конечно, ничем не отличался от других магов. Плоть человека слаба. Божественная сила – это чудо, но это же и яд. Говорят, что когда Пентравесс понял, что

смерть уже близко, он кое-что придумал. Все его знания, все неоконченные работы, планы, проекты, предсказания, секреты, идеи – все это он вложил в Реликварий.

Никто доподлинно не знает, что там внутри. Ученые в большинстве своем не очень оригинальны – чертежи смертоносного оружия, формула вечной жизни... Мне хочется думать, что Пентравесс был умнее. Тот, кто отыщет Реликварий, сможет разгадать величайшую загадку в истории – но не только. Пентравесс навсегда изменил свой мир – и вообще все миры. Тот, кто добудет Реликварий, получит его наследие. Представь только, Ксорве, что я мог бы сделать с этим знанием.

Раньше Ксорве всегда считала, что Сетенай и так уже все знает о магии. В полудреме ей привиделся Сетенай – одетый в золотые одежды, он был коронован как Верховный канцлер всех миров. В здравом уме она поняла бы, что это глупо и смешно, но сейчас это видение казалось ей захватывающим. Оранна и Олтарос Чаросса давно повержены, в руках Сетенай держит Реликварий. Рядом с ним стоит Ксорве, его правая рука. Он стал наследником Пентравесса, а она – единственной, кто заслужил его безоговорочное доверие.

Негромкий голос Сетенай сливался со скрипом балок, приглушенным свистом ветра, отдаленным гулом Врат – и она начала проваливаться в сон.

Пусть ее разбудили ни свет ни заря, пусть в голове все еще шумело от лотоса, а Сетенай говорил загадками – она все равно чувствовала себя довольной. Сетенай простил ее за оплошность с письмом. Он решил, что стоит взять ее с собой, что она может ему пригодиться.

Ксорве отгоняла мысль о том, что в конце путешествия их ждет встреча с Оранной. Может, да, а может, нет. Чего бы ни добивалась Оранна, Сетенай защитит Ксорве. Глупо думать, что Оранна каким-то образом заставит ее вернуться в Дом Молчания. Сетенай никогда этого не допустит.

4

Истребленный город

Ксорве проспала весь остаток пути и, все еще сонная, сошла вслед за Сетенаем на станции, где корабль дозаправлялся. Когда она окончательно пришла в себя, выяснилось, что она сидит во взятом напрокат катере и вертит в руках пирожок, который Сетенай купил ей в столовой на станции. Сетенай сидел за штурвалом, сосредоточившись на управлении. Сначала они были частью огромного потока кораблей, но он понемногу иссякал: корабли брали курс на разные Врата, которые вели в Ошаар, Касманситр, Карсаж, Тарасен. При первой же возможности Сетенай отделился от потока, облетев станцию по широкой дуге. Они миновали узкие мерцающие Врата и очутились в Лабиринте – той его части, где вверх устремлялись заостренные шпили. Других кораблей поблизости не было. Ксорве свернулась калачиком на дне катера, спрятав руки в рукавах зимнего плаща.

В Лабиринте невозможно было определить время. Когда небо было видно, его цвет постоянно менялся – то это был золотистый псевдорассвет, то голубой псевдополдень, то сиреневые псевдосумерки, а иногда даже оно становилось багровым или сине-зеленым, каким никогда не бывает настоящее небо. По расчетам Ксорве, они летели уже полтора дня, время от времени делая остановки, чтобы перекусить пирожками, которые по мере остывания становились все менее съедобными.

Ксорве и Сетенай были уже далеко от проторенных маршрутов. Они миновали еще несколько Врат, но так и не встретили ни единого корабля, ни единой живой души.

Ксорве научилась определять настроение Сетенай по его позе. Конец путешествия был уже близок, и он сидел прямо – не напряженно, а сосредоточенно.

Ксорве уже почти привыкла к путешествиям сквозь Врата, но переход из Лабиринта в Эченгир потряс ее: серая гряда камней и холодный ветер сменились засухой. Стало слишком тепло, воздух отдавал копотью. Под ними простирался пейзаж, плоский и желто-серый, расплывчатый и погребенный в дымке. Вдалеке виднелось нечто вроде башен, окутанных столпами пыли.

С небом было что-то не так. Сначала оно было тусклого серого цвета, а в следующий момент расцвело свежими шипами и каменными мысами. Небо то и дело пронзали столбы размером с гору, а затем исчезали. Все это происходило в тишине, как будто это была всего лишь причудливая игра облаков.

– Поэтому это место и называют мертвой зоной, – заметил Сетенай, быстро направляя корабль к нагорью возле Врат. – В воздухе небезопасно. На земле все будет хорошо, если мы не будем мешкать.

Они приземлились, и Ксорве выпрыгнула из катера, закинув рюкзак на плечи. Сетенай впервые взял ее с собой на вылазку, и она намеревалась приложить все усилия, чтобы он об этом не пожалел. Если им встретится Оранна, Ксорве будет держаться исключительно профессионально.

Они начали спускаться с нагорья. Насколько хватало взгляда, равнина была усеяна рухнувшими колоннами или столпами. Чем именно, было трудно различить из-за пыли, повисшей в воздухе, и только когда они были уже совсем близко, Ксорве разглядела, что это. Не колонны, а стволы гигантских деревьев. Тысячи павших деревьев, словно их снесло единым взрывом, который пришел откуда-то издалека.

Ксорве боялась, что необходимость перелезть через деревья сильно замедлит их путь, но она не осознавала истинные размеры бревен. Каждый ствол в ширину превышал ее рост, и расстояние между ними было таким же, как на городских улицах. Деревья и прогаины были

густо усеяны пылью цвета старой бумаги. Ксорве подошла к ближайшему дереву и дотронулась – запястье погрузилось в пыль. Следы, которые они оставляли за собой, были очень глубокими.

Они шли вперед, оставив нагорье позади. Поначалу Ксорве шарахалась от каждой тени, но это были причудливые сущности, которые поднимались в воздух и исчезали в небе.

– Напоминает Лабиринт, – заметила она. Рядом появилась широкая спираль, похожая на отражение аммонита в разбитом зеркале.

– Верно, – подтвердил он. – Мир живых распадается, и сквозь него проступают кости Лабиринта. Лабиринт произрастает из мертвых миров, как грибы из пней. Примерно через тысячу лет это место будет полностью поглощено.

В Доме Молчания упоминали о поглощенных мирах. Ксорве тогда не поняла, что это значит. Поглощенные миры, распад всего сущего... она шла, качая головой, словно пыталась выбросить из головы эту мысль.

Впереди между двумя огромными стволами показались цепочка следов и колея от колес. Ксорве подтолкнула Сетеная локтем и показала пальцем:

– Смотрите! Это Оранна? Она могла прийти этой дорогой?

Сетеная кивнул, глядя на нее с гордостью.

– Должно быть, она направилась в сторону города, – сказал он. – Не то чтобы здесь было много вариантов.

Ксорве радостно шла вслед за Сетенаем – его гордость согревала ее как горячий напиток в холодный день. Она так замечталась, что чуть не наступила на скелет.

Его легко можно было принять за очередное упавшее дерево – массивный, покрытый слоем серо-коричневой пыли, он валялся, словно выброшенный за ненадобностью. Но, приглядевшись, можно было заметить частокोल изогнутых ребер, а затем всю спираль, огибающую разрушенный лес – сухие кости гигантской змеи.

При виде огромного черепа Ксорве вжалась в ближайшее дерево. Она спокойно могла бы поместиться внутри глазницы. А каждый зуб был в несколько раз длиннее ее меча.

– Не волнуйся, – сказал Сетеная. – Они не причинят вреда.

– Есть и другие? – спросила Ксорве.

– Их очень много, – ответил Сетеная. – И все они мертвы.

Его голос звучал почти печально, и от удивления страх Ксорве как рукой сняло.

– Ты увидишь и другие. Но они мертвы уже много столетий и ничего тебе не сделают.

Сетеная уже продолжал путь. Ксорве, то и дело оглядываясь, миновала огромный череп, пытаясь представить, как выглядело это создание при жизни, как оно передвигалось и чем питалось.

Вскоре они добрались до стены. Внизу ее плотным слоем покрывала пыль, но выше стена была сплошь украшена фризами: деревья, змеи, реки – все они слились воедино, будто сам камень так причудливо оплыл вниз.

– А вот и Эчентир, – сказал Сетеная.

Огромный круглый проем в стене указывал на место, где, очевидно, когда-то находились ворота. За ними и над стеной Ксорве разглядела те самые башни, которые заметила с воздуха. Они были непохожи ни на одно знакомое ей здание – строения то сужались, то расширялись, и разветвлялись, как кораллы. Находиться в этом безмолвном городе было не по себе. Единственным признаком того, что кто-либо когда-нибудь входил в него, была цепочка следов Оранны, тянувшаяся сквозь проем.

– Так я и думал, – сказал Сетеная, направляясь в город.

Широкие и глубокие, как речное русло, улицы повсюду, насколько хватало взгляда, были усеяны змеиными останками. Должно быть, они погибали здесь тысячами.

– Неужели и в городе были змеи? – спросила Ксорве. Ей представлялось, что стену воздвигли специально для защиты от них.

– Это был *их* город, – ответил Сетенай. – Они не были монстрами, Ксорве. Змеи Эчентира были учеными, философами, поэтами. В зените своей славы этот город манил многих.

Он вел Ксорве по улицам. Иногда кости складывались настолько плотно, что приходилось пробираться между ребрами. Однажды Ксорве довелось увидеть, как на верфи Серого крюка строили фрегат – некоторые из этих ребер были ненамного меньше корабельных балок.

Следы привели к круглой открытой площади, густо усеянной скелетами. Если бы не Оранна, они едва ли нашли бы путь сквозь лабиринт ребер.

Когда-то это была оживленная часть города, подумала Ксорве. Может быть, рыночная площадь. Все философы и ученые, наверное, время от времени посылали слуг за едой. А потом они все умерли. Была ли их смерть медленной? Понимали ли они, что происходит?

– Что с ними случилось? – спросила она. Он упоминал что-то о магической катастрофе, но подробностей она не знала. – Кто их убил?

– Богиня, – ответил Сетенай. Он выглядел задумчивым – возможно, его волновала перспектива встречи с Оранной. Чуть помедлив, он указал на возвышение в центре площади. Ксорве, которая смотрела под ноги, заметила его далеко не сразу. На возвышении стояла громадная статуя змеи с капюшоном. Скульптор вырезал каждую чешуйку как отдельный лепесток. Ксорве никогда не видела таких змей. Три пары глаз венчали голову, подобно короне, еще четыре пары располагались на капюшоне, и множество глаз – по всему богато украшенному телу. Огромные незрячие каменные глаза, которые веками не смыкались...

– Такой они представляли себе богиню, – сказал Сетенай. – Ирискаваал Тысячеглазую.

– Их убила их собственная богиня, – повторила Ксорве. В это было не так уж трудно поверить. В конце концов, Неназываемый тоже требовал жертвоприношений.

– Да, – кивнул Сетенай, – змеи поклонялись ей на протяжении многих столетий. Судя по всему, они любили ее. Они сражались и умирали за нее, их волшебники черпали магию в ее могуществе.

Он задержался у маленького скелета – череп доходил Ксорве до плеча.

– Ирискаваал нажила себе врагов: таков удел сильных. В конце концов некоторые жители Эчентира утратили веру и предали ее.

Ксорве поежилась. Плохо, что они обсуждают такое рядом со статуей. Казалось, ее глаза приходят в движение.

– Трон Ирискаваал разбили на осколки, – сказал Сетенай. – Ее земную обитель разрушили, святилища осквернили. В отличие от нас, Ксорве, боги не могут умереть, но их могущество можно ограничить, и они способны страдать.

Глядя на статую, он сделал своего рода полужест, подняв руку к лицу. Совсем как Ксорве, которая порой начинала воспроизводить символ сомкнутых уст, забыв, что больше не обязана оказывать почтение Неназываемому.

– Страдания Ирискаваал были столь сильны, что она отвратила свой взгляд от мира, – продолжил Сетенай. – Но перед этим она навечно прокляла Эчентир. Единственного ее слова хватило, чтобы уничтожить весь этот мир. Все храмы. Все центры наук. Все их знания исчезли без следа.

Он поднес ладонь к нижней челюсти скелета маленькой змеи, смахнув пыль и обнажив кость.

– За свое предательство они заплатили сполна, – заключил он.

Ксорве никогда не видела его таким печальным. Было неясно, горюет ли он по Эчентиру, по их богине или же по исчезнувшим знаниям. В городе было еще более пыльно и жарко, но ее внезапно пробил озноб.

– Идемте, – сказала она, осмелившись дернуть Сетеная за рукав. – Следы ведут дальше.

Один урок Ксорве усвоила особенно хорошо: в конце концов привыкаешь ко всему. Пара часов в разрушенном городе – и ее уже не удивляли ни пыль, ни кости, ни громадные соору-

жения. Даже статуи Ирискаваал больше не тревожили ее. Даже горы, исчезавшие в небе, перестали пугать.

Следы вывели их по извилистому проходу к дверям огромного круглого здания. Под слоем пыли все еще можно было разглядеть, что его стены были некогда богато украшены: змеи в коронах и венках, змеи, устанавливающие подмости, церемония сбрасывания кожи, сражения и победы. Здесь была запечатлена история целого мира. Ксорве начала понимать, почему Сетенай так молчалив.

– Некоторые люди никогда не меняются, – сказал он, подводя Ксорве к другому круглому проходу. – Где еще ей быть. Это Королевская библиотека Эчентира.

Внутри десятки полукруглых галерей возвышались в несколько ярусов над главным вестибюлем, где с легкостью поместился бы целый квартал Серого Крюка. Королевская библиотека, как и весь город, поражала своими размерами и была совершенно пустой. На полках не было ни единой книги, и Ксорве решила, что они обратились в прах, как и все остальное в Эчентире.

Они пересекли вестибюль. С потолка то и дело сыпалась пыль, и Ксорве подпрыгивала. Она чувствовала себя мышкой, которая бежит по полю, зная, что в небе над ней кружит ястреб.

– Все в порядке, – сказал Сетенай. К ее удивлению, он не понизил голос, и эхо начало отдаваться от сводов. Видимо, в планы Сетенай не входило застать Оранну врасплох. – Это место уцелело.

Они дошли до стеллажей, расположенных в дальнем конце вестибюля. Ксорве поняла, что ошиблась: большинство из полок были забиты узкими глиняными цилиндрами, закрепленными на стержнях. Цилиндры были испещрены надписями, но язык был столь непохож на ошаарский, тлаантотский или карсажийский, что не будь Ксорве уверена, что находится в библиотеке, она не назвала бы их письменами.

Цилиндры были размером с Ксорве. Когда она коснулась одного, он легко повернулся вокруг своей оси, как будто механизм недавно смазывали. На ощупь глина была шершавой, а пальцы обожгло холодом.

– Вообрази только, как все это выглядело, – сказал Сетенай. В его голосе на мгновение проскользнула тоскующая нота. – Но я не понимаю, на что она рассчитывает. Я здесь уже бывал. Много лет тому назад я прочесал все здесь в поисках записей о Пентравессе, я не мог ничего упустить.

– Ты никогда не ошибаешься, Белтандрос? – раздался голос с верхнего балкона.

Ксорве надеялась, что у нее будет время подготовиться к встрече. Она не думала, что это Оранна застанет их врасплох.

Хранительница архивов склонилась, опершись на балюстраду. На ней были желтые одежды Дома Молчания, но она опустила капюшон и закатала рукава по локоть.

Она ничуть не изменилась за эти годы, но теперь Ксорве было с кем ее сравнивать. Мягкие черты лица, округлая фигура, – а стоило ей замереть, в ней появлялось неземное очарование, как у лебедя, плывущего вдали. Вблизи же ее взгляд и сардоническая усмешка служили напоминанием, что лебедь способен сломать руку.

Сетенай, конечно же, несколько не удивился. Он рассмеялся.

– Я признаю свои ошибки не больше, чем ты. Нам подняться или ты спустишься?

– Я занята, – отрезала она. – Раз тебе нужно, ты и поднимайся.

– Я и забыл, как ты не любишь снисходить до моего уровня, – заметил он, указывая Ксорве в сторону прохода, который вел на верхний этаж.

Оранна разложила книги и бумаги на куске холста под одной из полок. Судя по количеству записей и набросков, она просидела в галерее довольно долго.

Оранна оглядела Ксорве с головы до пят, и теперь Ксорве была рада своему наряду, мечу и даже странной стрижке в стиле Синих Вепрей. Оранна не узнала ее.

– Это моя помощница, – сообщил Сетенай так, будто это все объясняло. – Я удивлен, что настоятельница тебя отпустила, – заметил он, прислонившись к балюстраде.

Оранна ничего не ответила. Она взяла в руки ближайший цилиндр и стала водить пальцем по символам, читая.

– Или же ты здесь самовольно, – добавил он. – Адепт Неназываемого в цитадели его старейшего врага.

– Санграй простит меня, когда я вернусь с Реликварием, – ответила Оранна, не поднимая глаз. – И это место уже давно перестало быть чьей-то цитаделью.

Поджав губы под клыками, она повернула цилиндр, словно в поисках чего-то.

– Рискуешь вызвать гнев Неназываемого ради мифа? – спросил Сетенай. Он опустился на колени над холстом, разглядывая рисунки.

– Ты прекрасно знаешь, что Реликварий существует, – ответила она. – Целый и невредимый, если помнишь.

– Ну, здесь его точно нет, – сказал Сетенай.

– Потому что ты не смог его отыскать? – парировала Оранна. Она по-прежнему не отрывала взгляда от цилиндра, но перестала его поворачивать. – Ясно.

– Если бы мое мнение тебя не интересовало, ты бы не стала мне писать, – сказал он.

Ксорве разрывалась между облегчением оттого, что Оранна ее не замечала, и смущением оттого, что оказалась свидетельницей происходящего. Она никогда не слышала, чтобы Сетенай разговаривал с кем-либо в подобном тоне – и чтобы кто-нибудь ему в таком же тоне отвечал.

Помолчав, Оранна заговорила снова:

– И почему бы ему не быть здесь? Ирискаваал была покровительницей Пентравесса, разве не так? Известно, что он посещал Эчентир незадолго до его разрушения. Часть моих источников говорит, что Реликварий был создан здесь.

– Даже если так, – сказал Сетенай. – С момента создания Реликварий не раз крали, перевозили и перепрятывали во множестве миров.

– Такова легенда, – ответила Оранна. – Но что, если мы ошибаемся? Я готова смиренно признать, что это возможно.

– Ерунда. Он бы не пережил катастрофу.

– Не понимаю почему, – сказала Оранна. – Ирискаваал вполне могла его пощадить.

– Эчентир она тоже могла пощадить, – сказал Сетенай.

– Эчентир предал ее, – возразила Оранна. – А Пентравесс был верен ей до самой смерти. Выслушай меня. Впервые о похищении Реликвария было сообщено более двенадцати веков назад, и это считалось правдой. Но я нашла новый источник того же времени, который намекает на то, что это вымысел.

– Неужели? – протянул Сетенай. Ксорве ощутила, что за его иронией скрывается интерес. Уши Сетенай дернулись, как у кошки.

– Это «Анналы Исшесса», – сказала она.

Сетенай нахмурился.

– «Анналы» отрывочны. Я читал фрагменты, и там нет ничего о...

– Ты читал не все, – сказала она. Она достала из кармана тонкий кожаный футляр и протянула его Сетенаю, хотя на самом деле отдавать не собиралась.

– Оранна... – начал он.

Ксорве держалась в стороне от них, считая себя лишней, но она обратила внимание на предупредительную интонацию Сетенай. Брови сошлись к переносице, уши плотно прижаты к голове.

Внутри футляра лежал клочок сморщенного папируса размером с ладонь Ксорве, покрытый тонкими выцветшими письменами.

– Я уже видел его, – ответил Сетенай. – Перевести мне не удалось, но его пытались продать мне много лет назад. Это ловушка.

От его тона у Ксорве встали дыбом волоски на шее. Что-то случилось, они были в опасности. Она отошла от Сетенай и Оранны и посмотрела вниз, в сторону вестибюля. Сколько здесь выходов? К верхним ярусам вели разные проходы и мостики, но на их галерею можно было забраться только тем путем, которым они пришли.

– Глупец, – сказала Оранна. – Я перевела его. И задала вопрос Неназываемому. Это подлинник.

– Я не сомневаюсь, что это подлинник, – сказал Сетенай. – Но это ловушка. Это документ из личной библиотеки Олтароса Чароссы в Тлаантоте. Не знаю, почему он отдал его. Но теперь ясно, что он хотел заманить меня сюда.

Глаза Оранны сузились от гнева.

– То есть все вертится вокруг тебя, – сказала она.

– Да, – ответил Сетенай. – И я вижу, как тебе это неприятно. Поверь, я куда больше корю себя за то, что обратил внимание на твое письмо. Но теперь уже ничего не поделаешь. У Олтароса наверняка был шпион у Врат. Здесь небезопасно. У нас очень мало времени на подготовку.

Ничто не указывало на незваных гостей на других галереях. Ни звука шагов, ни голосов при входе, – но тогда они не предполагали, что за ними могут следить.

Ксорве выглянула с балюстрады. У главного входа в Королевскую библиотеку собралось облако пыли, похожее на дымку у подножия водопада.

– Смотрите! – воскликнула она.

– Время вышло, – сказал Сетенай. – Олтарос здесь. Или кто-то из его приспешников.

– Пусть Неназываемый съест твое сердце заживо, – бросила Оранна, запихивая книги и бумаги в сумку. – Кто такой Олтарос?

– Старый друг, – ответил Сетенай.

– Ну что же, – сказала она, закинув сумку на плечи. – Раз уж ты полностью разрушил мою работу здесь, не смею мешать вашей встрече.

– Кажется, ты больше не заинтересована в сотрудничестве, – заметил Сетенай.

Оранна горько рассмеялась.

– Тебе незнакомо это слово, – ответила она и ушла прочь. Несмотря на происходящее, ее уход принес Ксорве некоторое облегчение. Что бы ни было между ней и Сетенаем, теперь все кончено.

С удивительным проворством Оранна запрыгнула на ярус выше, а оттуда – на арочный мост над вестибюлем. Значит, сверху должен быть еще один выход. Еще не слишком поздно сбежать.

– Нам за ней? – спросила Ксорве, когда шаги Оранны стихли, а подол ее желтой мантии скрылся из виду. Она не стала спрашивать «Мы сбежим?», потому что Сетенай так никогда бы не поступил.

– Нет, – ответил Сетенай. – Я хочу посмотреть, кто это и что они скажут.

Такая прямота была ему несвойственна. Он уже снимал перчатки.

Внизу, в вестибюле, облако пыли двигалось им навстречу, разрастаясь и вытягиваясь. Теперь они слышали шелест. Пыль клубилась, будто стояя пиявок, вокруг центра, темного пятна в сердце бури.

– Ксорве, ложись, – прошептал он, вытянув руки и напрягая пальцы.

Она тут же послушалась, наблюдая за происходящим между перилами. Рядом с ней опустился на колени Сетенай.

Пыль улеглась. На ее месте теперь стоял человек в черной широкополой шляпе. Он дошел до середины вестибюля, остановился и огляделся. Ксорве показалось, что он принохивается.

Под шляпой обнаружилось металлическое забрало, от шеи до щиколоток незнакомец был укрыт черными шкурами и пластинами из смоленого металла. Они хлопали и звенели при каждом шаге.

Ксорве, притаившись, не отрывала взгляда, будто так она могла контролировать происходящее. На самом деле она понятия не имела, что будет дальше. Насколько она знала, Олтарос был единственным, кто одержал над Сетенаем верх. Ксорве вцепилась ногтями в каменные перила.

– Я могу помочь, – сказала она, преодолевая страх. Сейчас от него не было никакого толка. Бояться нельзя. – У меня при себе меч.

Не стоило упоминать, что она пользовалась им только на тренировках.

– Я знаю, – ответил Сетенай. – Но если придется, беги.

– Не придется, – сказала она, уставившись на него. Одно дело знать, что что-то может случиться с ним. Совсем другое – слышать, как он сам это признает.

– Олтарос безжалостен...

– Неважно, – перебила она. – Вы же знаете, что я никуда не убегу.

– Белтандрос! – воззвал мужчина в черном, не дав Сетенаю ответить.

Незнакомец смотрел на галерею: он прекрасно знал, где они прятались. Сетенай едва слышно рассмеялся и, казалось, успокоился.

– Явиться лично он не удосужился, – пробормотал он. Поднявшись, он скрестил руки и оперся на балюстраду.

– Акаро, – откликнулся он. – Рад тебя видеть. Наконец-то решил перейти на мою сторону?

– На *твою* сторону? – переспросил Акаро. Судя по голосу, он был моложе Сетеная. Возможно, намного моложе. Он оглядел галерею в поисках прохода. – Спустись и встреться со мной лицом к лицу.

– Как скучно, – громко произнес Сетенай и повернулся к Ксорве. – С этим я справлюсь. Он идеалист. Оставайся здесь. Он не тронет тебя.

Сетенай неспешно выпрямился и спустился к Акаро.

– Я так полагаю, тебя подослал Олтарос, – заметил Сетенай с нижней ступени.

Акаро отвел взгляд.

– Олтарос – канцлер Тлаантота, правитель моего города, мой наставник и друг. Да. Он отправил меня на поиски.

– Олтарос был *моим* другом, – заметил Сетенай. – Другом, учеником и соратником. Совсем как ты. Но он возжелал Тлаантот, предал меня и отправил в изгнание. А теперь подослал тебя, чтобы ты меня убил. Это уже слишком, тебе не кажется? Я пытаюсь жить обычной жизнью. Олтарос уже получил все, что хотел.

– Он знает, что ты по-прежнему разыскиваешь Реликварий, – с несчастным видом признался Акаро. – Сетенай, он *сохранил* тебе жизнь только потому, что ты обещал прекратить поиски.

– Если он мне поверил, то он еще глупее, чем я думал.

– Это опасно, – сказал Акаро. – Посмотри, что стало с тобой. Посмотри, что сотворила Ирискаваал с собственным народом! Эчентир обратился в пыль, Ормариин больше не существует. Этому знанию лучше быть утраченным. Она была чудовищем, а Пентравесс – ее послушной марионеткой.

Сетенай рассмеялся.

– Мудрые слова из уст самой преданной куклы Олтароса.

– Хватит. Пойдем со мной, – сказал Акаро. – Я скажу ему, что ты не сопротивлялся, и...

Сетенай расхохотался, и Акаро совсем сник.

– Ты понимаешь, что Олтарос послал тебя потому, что знал, что это причинит тебе боль? – спросил Сетенай. – Он мог послать любого из своих боевых псов. *Псамага*, например, – вот это была бы настоящая потеха. Но он помнит, что ты был предан мне. Он испытывает тебя. Хочет знать, как сильно ты готов прогнуться под него.

Плечи Акаро поникли, но Ксорве это не одурачило – он принимал боевую стойку. Оружия она не видела, но магу оно и не требуется. Ксорве от всей души надеялась, что Сетенай не упустил это из виду.

– Знай, что я очень сожалею об этом, – сказал Акаро.

– Не больше, чем я сожалею о твоём упрямстве, – ответил Сетенай. – Печально. Я думал, ты умнее, чем остальные приспешники Олтароса.

– Надеюсь, что смогу доказать, что я столь же храбр, – произнес Акаро глухо, как будто боролся с подступающими слезами. Шагнув к Сетенаю, он поднял руки. Сетенай отбросило назад, но он вовремя собрался и приземлился на обе ноги, развернувшись на пятках – лицо Акаро окатило волной пыли.

Ксорве никогда не видела подобных сражений в Сером Крюке. Но именно так она себе их и представляла: два волшебника из древнего мира сошлись в битве посреди руин. Со стороны это было красиво, но она застыла на месте, а по шее ручьем стекал пот.

Акаро и Сетенай дрались в тишине, – лишь иногда нарушаемой шипением или кряхтением – насылая друг на друга невидимые волны и клинки силы. Они двигались как дуэлянты без шпаг, атакуя и защищаясь, но ни при каких обстоятельствах не касаясь противника. Черные пластины и зеленая парча мелькали, когда они уклонялись и наносили удары. То, как они отзеркаливали движения, напоминало танец, только вот от каждого столкновения библиотечные цилиндры вдалеке потряхивало.

Сначала казалось, что противники в равном положении, но Ксорве знала, что Сетенай не ожидал этого и не успел подготовиться к сражению. Он терял темп. Ксорве припомнила все, что Сетенай когда-либо рассказывал о магии и о том, как она ослабляет тело и разум. Она не знала, сколько он сможет продержаться.

Если с ним что-нибудь случится... нет. Она заставила себя посмотреть правде в глаза. Если он *умрет здесь*, для нее все закончится, пусть даже Акаро и пощадит ее. Она станет никем – хуже, чем никем, – она станет той, кто предал своего бога и подвел своего господина. Кому она будет нужна? Что ей делать?

Неназываемый, возвала она мысленно. *Дай ему силы. Сохрани ему жизнь, умоляю.* Пусть она не маг, но она может молиться. Она подавила чувство вины за то, что обращается к богу, от которого сама же и отказалась. Сетенай заслуживал этого.

Между тем Сетенай сделал выпад в сторону Акаро, и под его ногами вспыхнули искры. Акаро отбил атаку и нанес ответный удар – на долю секунды показалось, что Сетенай не справится.

И тут в голове у Ксорве все встало на свои места. Это решающее сражение. Ей не нужен Неназываемый. У нее есть свой меч, а Акаро не подозревает о ее присутствии.

Сетенай сказал, чтобы она не высывалась и что Акаро не причинит ей вреда. Но жизнь Ксорве не имеет смысла, если она отвернется от него сейчас. Все предельно просто: если Сетенаю суждено погибнуть, она должна либо отомстить за него, либо умереть вместе с ним. Для этого она тренировалась. В этом был смысл ее существования.

Держа меч наготове, Ксорве бесшумно поднялась и тайком прокралась к проходу вниз.

А дальше все было четко и ясно, как будто кто-то рассказал ей эту историю. Сетенай отступил, собирая силу для убийственного удара. Акаро сделал ложный выпад под углом, и Сетенай попался. Он поспешно выставил блок, но Акаро успел нанести удар в грудь с такой силой, что галереи потряхнуло, а с потолка посыпалась пыль.

Нога Сетеная скользнула по камешку, и он споткнулся. Акаро не упустил эту возможность. Он дал подножку, и Сетенай упал на колени.

– Сдавайся, – тяжело дыша, сказал Акаро. – Дома... дома я скажу, что ты согласился по доброй воле.

Сетенай молча смотрел на него. Ксорве прокралась ближе. Сердце стучало. Ей казалось, что при каждом шаге раздается грохот. Рукоять меча стала горячей. Она обхватила ее обеими руками.

– Сетенай! – крикнула она и тут же ударила мечом в спину Акаро, туда, где пластинки брони наслаивались одна на другую. Послышался ужасный скрежет. Акаро взвыл и упал ничком, его руки и ноги подергивались в пыли. Ксорве вытащила меч и ударила снова, пригвоздив Акаро к земле и удерживая, пока он не перестал биться в конвульсиях.

Он был мертв. Удивительно, как легко это было. Будто еще одна тренировка. Ксорве вытерла лезвие. Кровь тлаантотцев была ярко-красной, но Ксорве рассеянно отметила, что лужи на полу библиотеки под телом Акаро казались такими же тусклыми и темными, как ее собственная кровь.

Сетенай поднялся на ноги, пытаясь отдышаться. Он посмотрел на Ксорве и счастливо рассмеялся.

– Великолепно! – сказал он. – Боги. Просто превосходно, Ксорве. Жаль, конечно. Какая жалость. Акаро не был так глуп в бытность моим учеником.

Ксорве молчала. Она не знала, что сказать. Обычно она куталась в похвалу Сетеная как в меховой плащ, но сейчас она едва слышала, что он говорит. Ксорве поразили его смех, но, возможно, он радовался, что остался жив.

Она выросла среди мертвецов, но никогда прежде никого не убивала. Это было трудно осознать – мужчина, который минуту назад сражался и говорил, теперь стал таким же, как костлявые жрицы в криптах Дома Молчания. И в отличие от них, он никогда не воскреснет.

Ксорве помогла Сетенаю перевернуть будто спящего Акаро на спину. Он был тяжелым. Сколько, должно быть, в нем было силы, раз он так легко двигался. Ксорве осознала, что вся дрожит, и убрала меч в ножны, чтобы не выронить.

Сетенай опустился на колени у лица Акаро и, сняв забрало, положил его на землю – просто кусок металла.

– Дурачок, – снова сказал Сетенай. Акаро был молод, по крайней мере, по меркам Тлаантота. Глаза закатились, ручейки крови, сбегавшие из носа и рта, портили тонкие черты лица. – Глупый мальчишка. Возможно, Олтарос думал... ладно. Что уж тут. Его нельзя было переубедить.

А теперь нельзя это исправить, подумала Ксорве. *Я не могу ничего изменить*. Акаро мертв. По-другому защитить Сетеная было невозможно. И теперь ей нужно научиться с этим жить.

Сетенай сложил руки Акаро на груди, укрыл плащом, и они с Ксорве покинули библиотеку Эчентира.

Пару недель Ксорве и Сетенай укрывались в глуши. Сетенай выбрал сложный маршрут по Лабиринту, следуя каким-то своим планам. Он делал это не задумываясь, как будто это была его собственная прихоть и ему просто нравилось ходить кругами и оставлять ложные следы.

Ксорве радовало, что она снова в пути. Новые места, необходимость все время оставаться настороже, изнурительная ходьба с тяжелым рюкзаком – все это позволяло отгонять от себя мысли о смерти Акаро, хотя порой он появлялся в ее снах, окровавленный, но живой.

Как-то раз они остановились на ночь в разрушенной часовне в необитаемом мире на границе с Карсажем. Сетенай разжигал костер. Лежа на походной постели, Ксорве смотрела на истертые изображения богов Карсажа и думала о Парце. Он так и не узнал, что случилось с его словарем.

– Мы вернемся в Серый Крюк? – спросила она. Синие Вепри уже должны были вернуться с задания, и ей было интересно, как все прошло. Если они вернутся домой, к привычным занятиям, она наверняка сможет чувствовать себя как прежде.

Сетенай, все еще занятый костром, ответил не сразу.

– Я не уверен, что для нас будет безопасно вернуться, – сказал он. – Ты очень расстроишься, если мы оставим все это позади?

– Думаю, я буду скучать по своей кровати, – сказала Ксорве. Она не хотела признаваться, что будет скучать по Вепрям. Довольно того, что Сетенай уже усомнился однажды в ее верности. – И там остались все наши вещи. – Произнося эти слова, она уже знала, что этого не случится. Если бы Сетенай хотел вернуться, они бы уже вернулись. – Но я не возражаю, – поспешно добавила она.

Как бы она ни хотела остаться, пришло время двигаться дальше. Серый Крюк теперь в прошлом, а ее будущее было рядом с Сетенаем.

– Я принял решение, – сказал он. – Раз Олтарос нашел меня однажды, он найдет меня снова, а я не хочу, чтобы злосчастное происшествие с Акаро повторилось. Ты доказала, что готова. Передышка была прекрасной, но нас ждет Тлаантот.

5

Две абсолютные неизбежности

Пустыня, именуемая Морем Безмолвия, состояла из черного песка, усеянного сияющими как звезды осколками вулканического стекла. На горизонте вздымалась цепь холмов, словно рядом позвонков пробивающая ночное небо. На самом высоком из холмов раскинулся Тлаантот.

По периметру город окружала гигантская и уродливая шестиугольная стена из сверкающего черного камня. На внешней стороне застыли потеки лавы, похожие на сосульки. В каждом углу шестиугольника располагалась сторожевая башня, а с южной стороны ее, как гранат в кольце, торчала крепость из того же оплывшего камня. Снаружи, неподалеку от крепости, на холмах раскинулось поселение: вид у него был такой, словно караван потерпел крушение и из его обломков возникли дома.

Прежде чем продолжить путь в сам город и его Врата, почтовый корабль сделал остановку в этом поселении, и Сетенай сошел. При себе у него были все те же поддельные документы на имя доктора Пелтари, но теперь он надел шапочку и мантию тлаантотского законника.

Ксорве, изображавшая его слугу, надела форму с жестким воротничком и то и дело почесывала шею. Сетенай, как ребенок, обожал менять личины, а вот ей до смерти надоел этот костюм.

Чиновник поставил штамп на их бумагах и пожелал доктору Пелтари приятного пребывания. Другой служащий осмотрел их багаж, но не нашел ничего предосудительного. Они путешествовали налегке, большая часть их вещей осталась в Сером Крюке.

Они сняли комнаты на захудалом постоялом дворе через дорогу, словно это был ничем не примечательный визит в ничем не примечательный город. У подобных ночлежек был свой особый запах. В этом пахло луком и слегка отдавало сточными водами. Чтобы успокоить нервы, Ксорве принялась чистить меч.

Из их окон открывался вид на Тлаантот и стену – неумолимую и недостижимую, как грозовая туча.

– Как мы попадем внутрь? – спросила Ксорве, не отрывая взгляда от города. У Сетенай должен быть план. Он производил впечатление человека, у которого всегда есть план.

Сетенай сидел за столом у окна, сложив руки на животе и переплетя пальцы.

– Даже не думай о том, чтобы перелезть через стену, – сказал он. – Многие пытались и погибли. В Тлаантот можно попасть лишь одним путем – через крепость в стене.

Будь все так просто, Сетенай мог бы уже давно вернуться домой, но он явно что-то замыслил.

– Олтарос наверняка расставил там стражу, – сказала Ксорве.

– И не только, – сказал Сетенай. – В крепости расположился целый батальон наемников. Олтарос призвал их, чтобы они помогли вышвырнуть меня из Тлаантота. Никто не может войти в город и покинуть его через цитадель или Врата без досмотра с их стороны, – откинувшись на спинку стула и положив ноги на стол, Сетенай смотрел в потолок. – И все это ради меня. А ведь прошло столько лет. Представь, как сильно Олтарос меня ненавидит.

– Из-за Реликвария, – вставила Ксорве.

– В том числе, – сказал Сетенай. – Надеюсь, ты не слишком прислушивалась к болтовне Акаро. Олтароса не волнует, опасен ли Реликварий. Он не собирается его использовать. Он просто не хочет, чтобы его нашел я, потому что ему невыносима сама мысль, что кто-то другой получит то, чего нет у него, – он закатил глаза. – Поэтому он и отобрал у меня город. Он из старинного рода, и ему претила мысль, что канцлером может быть кто-то вроде меня. Реликварий просто станет еще одним плевром в душу.

– Кто-то вроде вас, господин? – спросила Ксорве. Она никогда не спрашивала его о прошлом. Ей казалось, что Сетенай не хочет беречь старые раны – и, честно говоря, ее он тоже не расспрашивал о прошлой жизни.

– О, я никто, – в голосе Сетенай прозвучало глубокое удовлетворение. – Или, вернее, был никем. Увы, в том, что ты становишься кем-то, есть свои недостатки. Я никогда не смогу пройти мимо охраны в город.

– А они точно узнают вас? – спросила Ксорве.

– Ну, у меня запоминающаяся внешность, – ответил он. И это действительно было так: Сетенай был выше и в два раза шире в плечах среднестатистического тлаантотца. Он мог бы сбрить волосы и бороду, но рост никак не скроешь. – И у Олтароса есть причины желать, чтобы я держался подальше даже теперь.

Он сел прямо, опершись на стол, чтобы лучше рассмотреть город.

– Я так давно не был в Тлаантоте, – сказал он. – А я всей душой люблю этот город. Но дело не только в тоске по родине. В этом городе – обитель моей богини-покровительницы. Я слишком долго находился вдалеке от Сирены. Мои силы обмелели, как ручей после долгой засухи. Юный Акаро едва не победил меня, как ты и сама видела. Но стоит мне вернуться в город... Олтарос знает, что не может противостоять мне, когда я полон сил. Чтобы изгнать меня, ему потребовался целый рой союзников, с которыми он теперь уже не так дружен. Стоит лишь пройти через крепость, и он мой.

– Они будут настороже, – заметила Ксорве. Она лишний раз протерла клинок промасленной тканью. – Ведь я... ведь Акаро не вернулся. Солдаты будут искать вас.

– Несомненно, – откликнулся Сетенай.

– Я могу это сделать, – сказала Ксорве. До этой секунды она не понимала, к чему клонит Сетенай. Она убрала меч в ножны и постаралась выражением лица не выдать своего беспокойства и волнения. – Даже если они знают, что у вас есть помощник, – добавила она. – Никто не знает, как я выгляжу. Люди меня не замечают. У меня получится.

Порой она волновалась, что Сетенай может подумать, будто она забыла, чем обязана ему. Он никогда не говорил об этом, но он спас ей жизнь, и этот долг грыз ее, как червяк – яблоко. Теперь она могла сделать для него что-то в ответ.

Сетенай улыбнулся.

– Да, получится.

Но сначала надо было подготовиться. Отлучившись на несколько дней с постоянного двора, Сетенай наладил переписку со своими сообщниками и встретился с их агентами. Труднее всего было пробраться в город, но и внутри их поджидали некоторые препятствия, и здесь помощи Ксорве было недостаточно.

В его отсутствие Ксорве тренировала свое умение подкрадываться и карабкаться, пока не научилась бесшумно передвигаться по потолочным балкам и скрипучему коридору. Кроме того, впервые после убийства Акаро она упражнялась с мечом. Приятно было снова держать его в руках – Ксорве чувствовала себя ножом, который наконец-то заточили после долгих недель бездействия.

Вернувшись, Сетенай застал ее за отработкой приемов перед покрытым патиной зеркалом.

– Боюсь, в крепости тебе придется обойтись без меча. Тяжело дыша, Ксорве опустила клинок.

– Что? Почему, мой господин?

– Ты будешь изображать служанку, которая ищет работу в замке, и они будут весьма удивлены, обнаружив смертоносное оружие.

Ксорве вздохнула, плечи опустились.

– Я думала, что смогу сойти за новобранца.

Она усердно тренировалась с Синими Вепрями, и ей хотелось доказать, что время, проведенное с наемниками, сделало ее более полезной для него. Ксорве до сих пор чувствовала угрызения совести при воспоминании о том, как Сетенай однажды решил, что она покинет его и станет одной из Вепрей.

– Будь это обычные наемники, я бы согласился, – сказал он. – Но сейчас нельзя рисковать. Их возглавляет генерал Псамаг, – он посмотрел на нее, но не дождался никакой реакции. – Ха! Все время забываю, насколько ты юна. Псамаг – знаменитый военачальник Ошаара, или, вернее, был им. Это дурная слава. Задолго до твоего рождения он командовал армией вассального клана Торосада.

Ксорве почти ничего не знала о своей родине. Она никогда не бывала в Торосаде или любом другом великом городе Ошаара. Не то чтобы ее туда тянуло, но ей казалось странным, что хотя клыки сразу же выдавали в ней уроженку Ошаара, она ощущала куда меньшую связь со своим миром, чем Сетенай.

С другой стороны, Торосад, военачальники, вассальный клан – все это было так далеко от Ксорве. Дом Молчания занимал крошечный клочок гор и леса в дальнем уголке карты Ошаара, но и его Ксорве давно оставила позади.

– У Псамага кошмарная репутация, – продолжал Сетенай. – Убийство пленных, резня населения, спаленные деревни, головы на кольях – ему приписывают все, что только можно, но большинство слухов правда: ну, за исключением байки о том, что у него была личная гвардия из мертвых солдат. Кончилось все тем, что вассальный клан Торосада счел его обузой. Его изгнали, но Псамаг, осознав, что всегда найдется кто-то, кто будет готов заплатить за его умения, стал наемником. Богачи нанимали Псамага для темных дел – таких, о которых не принято рассказывать в приличном кругу. Вполне естественно, что именно такой человек понадобился Олтаросу, чтобы избавиться от меня.

– Все равно не понимаю, почему я не могу притвориться, будто хочу на него работать.

– Он умен, – сказал Сетенай. – Он хитрее Олтароса. И если он тебя раскроет, смерть будет долгой и неприятной.

– Но ведь я все равно собираюсь пробраться в его крепость, – заметила Ксорве.

– Он едва ли обратит внимание на служанку. Все решат, что ты не способна причинить вред, и ты сможешь передвигаться по всей крепости под предлогом поручений.

Ксорве вздохнула. Правда была на его стороне, хотя ей очень не хотелось оставаться без меча.

– Могу я взять нож?

– Бери, если без этого никак, – сказал он. – Но нельзя недооценивать Псамага. Он остается здесь только потому, что считает, что Олтарос ему должен. Признаюсь, меня несколько веселит, что Олтарос не знает, как от него избавиться. Псамаг называет это «охраной собственных вложений». Он опасен и злопамятен. Постарайся не попадаться ему на глаза.

Три дня спустя Ксорве отправилась через Море Безмолвия к стенам Тлаантота. Ночевала она в расселинах, уподобившись скорпионам.

В крепость вела огромная дверь, такая же тяжелая, уродливая и непробиваемая, как и стена вокруг нее, но ближе к земле были прорублены еще несколько дверей более скромных размеров. Все входы в любое время дня и ночи охранялись вооруженными стражниками, проверявшими документы у тех, кто входил на своих двоих или въезжал на повозке.

На подъездах к городу движение было медленным и непрерывным. Очередь из повозок, фургонов, стада скота и небольших кораблей растянулась на милю по пустыне, а в многочисленных палатках, раскинутых на обочине, торговали отваром железницы и горячими закусками.

Вблизи крепость напоминала огромный неровный булыжник, торчащий посреди пустыни. Она казалась древней, как будто земля поперхнулась и выплюнула шершавый каменный сгусток. На вершине крепости, словно изумруд, венчающий очень некрасивую шкатулку, располагались Великие Врата Тлаантота, через которые прилетали большие корабли.

Ксорве выбралась из расселины, перескакивая с уступа на уступ. Было раннее утро, еще не рассвело. Она заняла место в очереди ближе к входу, за огромным фургоном с эмблемой ткацкой гильдии Карсажа.

Возчики подали бумаги стражникам. Затем с неприятным скрипом одна из маленьких дверей распахнулась. Фургон въехал внутрь, и дверь захлопнулась.

Фальшиво улыбаясь, Ксорве поприветствовала стражников. Она впервые говорила на тлаантотском с кем-то, кроме Сетенай, и стеснялась своего произношения.

Стражники томительно долго изучали ее удостоверение и рекомендательное письмо, но Сетенай не пожалел сил на подделку документов, и это сработало – стражники вернули ей бумаги.

– Теперьними плащ, – сказал один из стражников.

– Что? – вскинулась Ксорве. – Почему?

Под плащом из кожи ягненка у нее была простая накидка до колен и сандалии – подходящий служанке наряд. Но, помимо этого, к ее ноге был привязан очень острый нож.

– Мы обыскиваем всех, кто входит в крепость, – сказал он. Хорошо хоть, в его голосе не слышалось ни намека на непристойность. Возможно, для этого утро было еще слишком ранним.

Она послушно сняла плащ и с каменным лицом протянула его стражникам. Один из них встряхнул плащ и обыскал карманы: пусто. Хорошо, что она спрятала весь свой походный скарб у холмов. А вдруг они сочтут странным, что у нее при себе ничего нет? Насколько тщательно они собираются ее обыскивать? Сетенай был прав. Не надо было брать с собой оружие. Что ей сказать? Притвориться, что она боялась встретить разбойников по дороге? Задумавшись, она не сразу заметила, что охранник протягивает ей плащ.

– Проходи, – сказал он.

Ей указали на самую маленькую дверь. Она вела в огромный внутренний двор, где толпились люди, вьючные животные и повозки. Никто не обратил внимания на девочку-служанку. Ксорве еще не пришла в себя после встречи со стражниками и была рада, что к ней не проявляют интереса.

Опустив голову, она двинулась в сторону кухни. Это была ее собственная идея, и она ей гордилась. В огромной крепости всегда нужен кто-то, кто готовит и моет посуду, а с этим Ксорве всегда управлялась хорошо.

В кухне было шумно и многолюдно. Ксорве тут же принялась за дело – таскала воду, резала чеснок, крутила вертел для жарки. Только несколько часов спустя на кухне поняли, что она посторонняя.

– Я новенькая, господин, – сказала она, не поднимая взгляда от белоснежного фартука и пышных усов, торчащих над парой узких клыков.

Повар изогнул бровь.

– Только сегодня приступила, – добавила она. – Возможно, я ошиблась местом.

– Хм, – протянул повар. – Может быть.

– Прошу вас, господин, – она старалась говорить жалобно, – мне сказали, что здесь есть работа.

Она протянула ему поддельное удостоверение и рекомендательное письмо от мнимого доктора Пелтари.

Повар перевел взгляд на дыню, которую чистила и резала Ксорве. Она хорошо управлялась с ножом, и все было сделано аккуратно. Каждый кусок был таким тонким, что мякоть

дыни казалась прозрачной, как ледяная вода. Повар огляделся и пожевал губу, при этом кончик усов у него закрутился.

– Ну что же, нам и впрямь не помешает еще одна пара рук. Хорошо.

Он вручил кому-то ее бумаги, и больше она их не видела.

Остаток дня она нарезала дыню, а после захода солнца проследовала с другими девушками в общую спальню.

– Новенькая? – отрывисто, но беззлобно бросила одна из них. Большинство работников кухни были родом из Тлаантота и из Ошаара, но эта девушка выглядела как уроженка Карсажа – худощавая и миловидная, с медной кожей и очень прямыми черными волосами, убранными в длинную косу. – Я Таймири. Давай покажу тебе, где взять белье и все прочее.

Таймири указала ей на свободную койку. Внезапно охваченная страхом, Ксорве по большей части молчала. Ее план был плохо продуман. Совсем скоро кто-нибудь поймет, что она не та, за кого себя выдает, и ей не следует здесь находиться.

– Ты что-то притихла, – сказала Таймири, – наверное, по дому скучаешь. Но здесь не так уж плохо, ты привыкнешь. Завтра я покажу тебе окрестности.

Ксорве лежала на койке, сон не шел. Она привыкла к звукам Серого Крюка по ночам. В крепости все было по-другому: шаги, эхо, звон цепей, грохот подъемных механизмов.

В комнате не было окон, а дверь на ночь закрыли. Единственным источником света был мерцающий свет лампы, пробивавшийся сквозь щель.

Все, что от нее требовалось – найти способ, как Сетенаю незаметно пробраться через крепость. Они согласились, что прямая дорога для него закрыта. Но должен был быть и другой путь. Эта крепость, сказал Сетенай, была построена раньше, чем город, и в подземельях было много странного: тайные ходы, потайные комнаты, глубокие пещеры, которые простирались за пределы пустыни.

Она потратит каждую свободную минуту на изучение крепости, ее ходы и распорядок дня. Она отыщет путь для Сетенай. Все как всегда: она будет работать, наблюдать, слушать и выжидать.

Когда все уснули, она отвязала нож от ноги и спрятала под матрас. На всякий случай.

К концу первой недели все уже привыкли к Ксорве. После трех лет странствий с Сетенаем Ксорве боялась, что утратила навык общения с ровесниками, но это было все равно что вернуться в Дом Молчания. Она умела жить так, бок о бок с другими. Суть всегда была одна и та же. Раздражение, разрушенные надежды и сплетни: они были неотделимы друг от друга, как трехглавая змея, которую выставляли на Рынке диковинок в Сером Крюке. Большинство девушек происходили из бедных семей из захолустья. Ксорве их не интересовала, но они были благодарны ей за то, что она брала на себя обязанности, которые им не нравились: например, таскала бочки вверх-вниз по лестнице. А главное, они не обращали внимания на то, что Ксорве всегда вызывалась первой, когда задачи приходились на охраняемые или труднодоступные места в крепости.

Таймири, как выяснилось, была главной в комнате: она пробыла здесь дольше других и была одновременно спокойной и жесткой. Ей нравилась Ксорве – или, по крайней мере, ее расторопность. Честолюбивые планы Таймири простирались за пределы кухни, и она рассматривала Ксорве в качестве орудия или даже союзника.

Ксорве узнала, что мать Таймири отлучили от дома и церкви в Карсаже за то, что та зачала вне брака. Таймири мечтала разбогатеть, отыскать родителей матери в Карсаже и вышвырнуть их на улицу.

Как-то раз после обеда Ксорве дремала в комнате, наслаждаясь положенным получасовым отдыхом перед подготовкой к ужину. Таймири подошла к ее койке и тронула за плечо.

– Тссс! – сказала она. – Пойдем со мной. Не хочю, чтобы остальные знали.

Ксорве торопливо оделась и нырнула вслед за Таймири в темный коридор. В узких проходах всегда было душно и жарко. Ксорве пожалела, что не взяла с собой нож, но ей не удалось бы достать его тайком от Таймири.

– Что случилось? – спросила она, когда спальня скрылась из виду.

– Кое-кто из тех, кто прислуживает генералу за столом, заболел, – ответила Таймири. – А сегодня ожидается важный ужин, и им нужны двое с кухни, чтобы подавать блюда и уносить посуду.

Ксорве кивнула, пытаясь унять возбуждение и тревогу. Сетенай предупреждал, чтобы она не попадалась на глаза Псамагу. Но с другой стороны... Она никогда не бывала в покоях генерала, а ей нужно больше информации, если она хочет приблизиться к цели. Она тщательно изучила крепость от погребов и выше, но в часть помещений у нее не было доступа. Были еще нижние ярусы погребов, пещеры под нижними ярусами и пустоты в стенах, у которых не было входа. Опасно встречаться с генералом, но будет глупо упустить такой шанс исследовать новую территорию. В роли прислуги она не будет привлекать внимания, это совершенно безопасно.

Таймири была необычайно взволнована.

– Конечно, я не *такая*, но вполне могу заинтересовать кого-нибудь из офицеров, – сказала Таймири, пока они спешили по лестнице на верхний этаж.

– Разумеется, – ответила Ксорве. И не такое случалось.

– Может, мы и тебе кого-нибудь подыщем, Сору, – великодушно добавила Таймири. Здесь все звали ее Сору – это была вариация ее настоящего имени, подходящая для Тлаантота. Она означала «воробей». – Какие мужчины тебе нравятся?

Растерявшись, Ксорве попыталась представить, что важно для Таймири.

– Богатые?

Таймири зажала ладонью рот, чтобы заглушить смех, звеневший в коридоре.

– Само собой. А еще?

– Не знаю, – ответила Ксорве. – Высокие?

Какое-то время, еще в Сером Крюке, Ксорве казалось, что ее привлекает один из ее наставников – широкоплечий бывший наемник с приятной улыбкой. Однако после тщательных наблюдений она заключила, что его-то интересуют исключительно юноши из дома развлечений «Пташки».

– Они все *высокие*, – сказала Таймири, но отстала от нее.

В кладовой Ксорве и Таймири встретил служащий примерно их лет и выдал им другую форму.

Служащий этот был тлаантотцем. У него, как и у Сетенай, была темно-коричневая кожа, заостренные уши, напоминающие формой листья, и коротко подстриженные курчавые волосы. А еще прямая, как стержень, спина и тревожный вид. Уши его дергались не менее двух раз в минуту.

– У генерала Псамага есть определенные требования к тем, кто прислуживает за ужином, – сказал он простуженным голосом и уставился на Ксорве и Таймири с таким видом, будто сомневался в их способностях. Затем последовала нудная лекция о сервировке столовых приборов. – Сначала нужно подать напитки, генерал произнесет речь, после чего должно быть три перемены блюд, как я уже сказал. Вопросы?

– Думаешь, у тебя получится заарканить его, Таймири? – спросила Ксорве, когда он ушел.

– Это же Талассерес Чаросса, – ответила Таймири. – Напыщенный болван. Скорее всего, его прислал канцлер Олтарос. Будет указывать генералу, что делать, хотя все знают, что если генерал Псамаг захочет, он вышвырнет Олтароса прочь так же, как прошлого канцлера.

Ксорве порадовалась, что у нее хорошо получается изображать безразличие.

– Ты сказала Чаросса? – спросила она, помолчав. – Разве не так зовут канцлера?

– Ага, – ответила Таймири. – Это его *племянник*. Видимо, так он и получил эту работу.

Ксорве запомнила это на будущее. Возможно, ей лучше избегать Талассареса Чароссу. А может, ей как раз стоит держаться поближе и узнать, с кем он общается, на случай если он что-то знает? Без советов Сетеная она чувствовала себя в растерянности. Муки выбора, сотни различных вариантов действий.

Ксорве напомнила себе, что у нее есть план. Этим вечером она постарается держаться в тени и разузнать, кто заправляет всем в цитадели, с кем они в союзе, кому присягнули на верность. Это хорошее начало, и она сможет остаться вне подозрений. Сетенаю нечего было бы на это возразить.

Верхние этажи цитадели были на удивление красивыми. Паркет натерт, стены увешаны изящными гобеленами, в солнечных лучах посверкивает пыль. Где-то поблизости пела женщина. Ксорве ощутила разочарование – она совсем не так представляла себе комнаты генерала.

Стены в обеденном зале были увешаны охотничьими трофеями. Кабаны, олени, поджарая антилопа из Моря Безмолвия, львы и тигры, головы слонов и мамонтов соседствовали друг с другом, воплощая философию смерти: они таращились на живых стеклянными глазами с темных панелей. Стены ошетинились рогами, шипами, гребнями, покрывавшими панели, будто буйный костяной мох. Псамаг заполучил богатства множества миров и сделал из голов чужестранных животных чучела.

– Что ты копаешься, – одернула ее Таймири, которая уже увидела все, что ей нужно. Схватив Ксорве за руку, она повела ее к широкому обеденному столу, где прислуга уже расставляла приборы. Их появление никого особо не обрадовало, но возражать они не посмели.

Позади стола, в дальнем углу зала в полу была сооружена яма. Никаких ограждений вокруг не было, полированные доски резко обрывались в пустоту. Со своего места у стола Ксорве не видела, что находится в яме. Остальные слуги слаженно перемещались вокруг стола, не обращая на яму ни малейшего внимания. Ксорве, как обычно, держалась молча и прислушивалась.

Оказалось, что ужин давали в честь капитана Тенокве, любимчика генерала Псамага – тот одержал какую-то победу в пустыне от его имени. По слухам, Тенокве был столь же красив, сколь и грозен, и во всех делах он служил правой рукой генерала.

– Значит, это он делает левой рукой... ну, вы поняли, – засмеялась одна из служанок.

– Ну, не знаю даже, – сказала другая. – Тенокве *очень* самоотвержен.

Ксорве покраснела. Она слышала множество подобных шуток в кругу Синих Вепрей, но никогда не знала, как ей реагировать.

Никто не обсуждал яму в полу. Никто даже не смотрел в ту сторону. Ксорве некогда было подойти поближе, но она не могла выбросить ее из головы. Прежде чем ей удалось утолить любопытство, она услышала приказ выстроиться в задней части зала и ожидать прибытия гостей.

– У меня право первого выбора, запомнила? – прошептала Таймири, покачиваясь на носках. Ксорве кивнула.

В зал вошли офицеры. Все они были ошаарцами огромного роста, со множеством шрамов и потрескавшимися клыками. У одного из них и вовсе не хватало клыка, отчего лицо казалось перекошенным и искаженным. Ксорве посочувствовала ему, стараясь не задумываться, как больно ему было потерять клык.

Всех их привел с собой Псамаг, чтобы работать на Олтароса. Тенокве, почетный гость, был моложе других, но не менее потрепан в битвах. Строй замыкал единственный не военный и единственный тлаантотец – Талассерес Чаросса, одетый в изысканные одежды. На фоне других он казался самым юным, несчастным и взвинченным. Его уши беспрестанно дергались. Ксорве задумалась, что же его так беспокоит. Он и при первой их встрече казался встревоженным, но теперь он представлял из себя сгусток нервов.

Под звуки серенады, исполняемой двумя певцами, все расселись за столом. Ксорве уже слышала эти голоса, но раньше она думала, что они принадлежат женщинам. Оказалось, что это были юноши – симпатичные карсажийцы, – но голоса их были высокими, тонкими и нежными.

– Им отрезали их свистульки, чтобы лучше пели, – прошептала Таймири. – Порой в Карсаже такое делают, – добавила она не без гордости.

Прошел почти час, от музыки у Ксорве разболелась голова. Наконец, парадные двери открылись, и в зал вошли двое солдат-ошаарцев. Они казались копиями друг друга – лысые, мускулистые, они были полностью обнажены, за исключением сандалий и набедренных повязок. Клыки их были украшены блестящими латунными крюками, и они совершенно явно были мертвыми. Кожа их была бледной, сквозь нее просвечивали черные вены, а пока они шли к столу, за ними тянулся аромат благовоний. Вслед за ними, глядя прямо перед собой, вошли двое других – такие же одинаковые мертвецы с затуманенными глазами.

Ксорве моргнула. Сетенай отмахнулся от слухов о том, что генерал Псамаг окружил себя воскрешенными стражами, но это были именно они. Влажными ногами они маршировали по паркету. У Таймири отвисла челюсть.

Ксорве чувствовала себя волчком, сбившимся с курса. Она не видела воскрешенных с тех пор, как покинула Дом Молчания. Это была некромантия прежней страны.

Хотя прошло всего три года, она приучила себя думать об Ошааре, как о *прежней стране*, а не о *доме*, потому что возвращаться туда она не собиралась.

Гвардейцы заняли свои места, словно на автомате, и в зал вошел генерал Псамаг. Несмотря на все слухи и рассказы, Ксорве оказалась не готова к этой встрече. Одноглазый и белый как призрак, он был красив как акула. Псамаг носил черную кольчугу, а из-за спины у него виднелся меч. Его клыки были заостренными, как ножи, а глаза сверкали, словно огненные алмазы.

Но самой важной была физически ощутимая мощь его присутствия. Жизни всех вокруг зависели от него. Таймири едва слышно вздохнула. Пальцы Ксорве нервно сжались вокруг завязок фартука, она пыталась успокоиться.

Офицеры отдали честь, и Псамаг прошествовал к своему месту. В комнату вслед за Псамагом незаметно вошли еще четверо воскрешенных и заняли свои места.

– Что ж, друзья мои, – начал Псамаг. – Вот мы и собрались. Давайте же выпьем!

Над столом пронесся рев одобрения и звон чаш, расставленных Ксорве и другими слушанками. Какое-то время Ксорве была занята тем, что наполняла чаши и подливала напитки всем желающим. Офицеры пили много, особенно Тенокве, который наслаждался статусом почетного гостя. Ксорве обратила внимание, что Псамаг едва ли осушил хоть одну чашу, и его глаза так и не потеряли холодного блеска. Что-то было не так.

Офицеры постарше, сидевшие рядом с Псамагом, тоже это почувствовали. Они смеялись и хвастались, но в этом было нечто напускное, словно они тянули время в ожидании чего-то. Ксорве наполняла то один, то другой бокал и наблюдала за ними, пытаясь разгадать эту загадку, пока не стало слишком поздно – как будто в ее силах было повлиять на происходящее в комнате.

Вторая по старшинству среди собравшихся, здоровенная немолодая женщина с бритой головой, ни разу не засмеялась. Не смеялся и Талассерес Чаросса. Постепенно дурное предчувствие охватило всех собравшихся за столом, и они наконец замолчали. Ксорве затаила дыхание.

– Что ж, – произнес Псамаг, не повышая голоса. Тенокве шикнул на своих друзей. – Вы все знаете, по какому поводу мы собрались, но вдруг кто-то уже слишком опьянел и забыл... Чаросса, напомни-ка нам?

Псамаг буквально выплюнул это имя. Талассерес Чаросса вздрогнул.

– В честь победы капитана Тенокве, господин, – сказал он таким тоном, будто сам в это не верил.

Псамаг улыбнулся, обнажив ряд острых зубов между мощными клыками. Талассерес расслабился, но тут же подпрыгнул – Псамаг обрушил могучий кулак на стол. Агатова подвеска на его шее взметнулась вверх.

– Неверно! Гадаем дальше. Большая Морга, твоя очередь.

Большая Морга оказалась той самой второй по старшинству. Она с вымученным весельем наблюдала за сценой из-под тяжелых век.

– Мы здесь, потому что ты так приказал, мой господин, – сказала она.

– Что же, Морга была со мной еще в те времена, когда у большинства из вас клыки не прорезались. Знаете почему? Есть догадки? У таких сообразительных парней найдется для меня ответ?

Молчание.

– У Морги крепкая голова на плечах. Она знает, благодаря кому здесь оказалась. Умеет держаться за свое место. Знает, кому хранить верность. И она дожила до пятидесяти. Видите в этом связь, друзья мои? Подумайте об этом.

Повисла пауза, и прислуга, в том числе и Ксорве, вновь наполнила бокалы присутствующих. Сетенай мог бы и не предупреждать ее держаться подальше. Псамаг напоминал крутой утес – он притягивал внимание, даже если на самом деле хотелось бежать от него куда глаза глядят. Но он еще не закончил речь.

– И все же Чаросса в чем-то прав, – сказал он. – Где же мой дорогой Тенокве? Поднимайся, сынок, пусть все как следует рассмотрят героя этого часа.

Псамаг явно был доволен собой, и Ксорве это не на шутку тревожило.

Успокойся, сказала она себе. Он не смотрит на тебя.

Его внимание было полностью приковано к Тенокве, который, пошатываясь, поднялся на ноги. Уже прилично пьяный, он неловко отдал честь и ухмыльнулся своим товарищам.

– Мы все слышали эту историю, так что не буду вас утомлять, – продолжал Псамаг. – Тенокве и его отряд уничтожили разбойничье гнездо в Бараньем Черепе и захватили всю их добычу. Не скоро еще враги осмелятся нас беспокоить, – выдержав паузу, он оглядел собравшихся. – Ну же! Подбодрим этого смельчака! Смотрите все, это Тенокве, моя правая рука!

Стол зашумел, но скорее тревожно, чем одобрительно. До всех уже дошло, что что-то было не так. Ксорве закусила губу – клыки до боли вонзились в щеки – и вздрогнула.

– Что-то они не больно гордятся тобой, Тено, – с леденящим душу спокойствием заметил генерал. – Любопытно. Не знаешь почему?

Тенокве ничего не ответил. Молчали и остальные. В пугающей тишине слышался лишь шелест, доносившийся из ямы.

Служанка, стоявшая в паре футов от Ксорве, наблюдала за происходящим с нескрываемым ужасом. В висках у Ксорве бешено, словно бьющийся о стекло жук, застучал пульс. Все ее инстинкты кричали, что нужно бежать прочь или хотя бы закрыть глаза: вот-вот случится нечто кошмарное, – но ноги отказывались подчиняться.

Раздался скрип половиц – Псамаг отставил стул и поднялся на ноги. Он двигался вдоль стола, словно песчаная буря, и Ксорве тут же представила, каково это – встретиться с ним лицом к лицу в пылу сражения. Остановившись возле Тенокве, он навис над молодым офицером.

– Друзья мои, не желаете ли услышать поучительную историю? – сказал Псамаг, положив руку на плечо Тенокве – жест этот мог бы показаться дружеским, да только Тенокве трясся как тростник на ветру. – Посмотрите на него. Многообещающий молодой человек, образцовый солдат, надежный офицер: казалось бы, только руку протяни, и все блага мира сами упадут в его ладонь.

Сегодня мы должны были праздновать его победу. Я должен был гордиться. Что же могло испортить мне настроение? Вообразите мое разочарование. Моя правая рука, человек, которого я знал еще мальчиком, – оказывается, плетет против меня заговоры с людьми канцлера.

Псамаг добился нужного эффекта. Все были потрясены, комната наполнилась криками изумления. Губы едва слушались Тенокве, он тряс головой и несвязно бормотал что-то в свое оправдание. Некоторые из его соседей отодвинулись, чтобы не сидеть рядом с предателем. Морга нисколько не удивилась. Талассерес Чаросса тоже не казался шокированным. Его плечи напряглись, лицо превратилось в маску.

Ксорве не сразу осознала произошедшее. Она почти уже поверила, что Тенокве – один из контактов Сетеная, а следом раскроют и ее, но от нового поворота событий легче не стало.

Псамаг вытащил связку бумаг, сжал их в кулаке, а затем пустил по кругу.

– Письма к нашему дорогому другу капитану Тенокве от *друзей Олтароса*. Все они здесь. Смотрите сами, если угодно. – Псамаг покачал головой из стороны в сторону, как бык перед атакой, и прищелкнул языком. – Ох, Тено. Почему же ты их не сжег? Чему я тебя только учил?

– Нет, господин мой, прошу... – на большее Тенокве был не способен. Псамаг положил вторую руку ему на плечо и поднял его в воздух.

– Хочет ли кто-то что-нибудь сказать в его защиту? – спросил Псамаг, окинув взглядом собравшихся. Товарищи Тенокве не издали ни звука. Никто не смотрел ему в глаза. И тут из ямы снова раздался какой-то шум.

Большинство служанок тут же отвели взгляд: Ксорве поняла, что подобное происходит не впервые. Таймири приросла к месту, глядя во все глаза на злополучного Тенокве. Ксорве никогда не видела ее такой потерянной. Стой они поближе, она постаралась бы послать ей ободряющий взгляд, но они были далеко друг от друга, парализованные собственной беспомощностью.

Псамаг шел к яме, каждый его шаг звучал как удар хлыста. Тенокве пришел в себя и принялся звать друзей на помощь. Большинство из них предпочли не поднимать глаза: то ли чтобы продемонстрировать свое равнодушие, то ли потому, что не могли смотреть ему в лицо, то ли потому, что знали, что сейчас произойдет.

– Родные предают нас, – заметил Псамаг на ходу. На извивавшегося в его руках Тенокве он обращал внимания не больше, чем на бессмысленное трепыхание пойманной на крючок рыбы. – Друзья предают нас. На что же мы можем положиться в этом темном мире, мой догадливый капитан? Есть только две неизменные вещи. Две абсолютные неизбежности.

Псамаг прекрасно умел держать внимание аудитории. Офицеры ловили каждое его слово то ли в ужасе, то ли в восхищении. Талассерес Чаросса слегка раскачивался, возможно, предполагая, что очередь за ним.

– Первая! Никто не может избежать уготованной ему смерти. Не так ли, Тено?

Тенокве взвыл, а затем затих. Генерал держал почти нежно, нисколько не напрягаясь под его тяжестью.

– Вторая неизбежность – это первая и самая почитаемая из моих жен. Она быстра. Она ужасна. И столь же неумолима, как голод в пустыне. Атарайс! Песчаная жена! Приди!

Шелест в яме становился все громче, теперь его сопровождал звон цепей. Что-то спешило им навстречу. Ноги Ксорве дернулись, ей хотелось бежать без оглядки и не видеть того, что сейчас произойдет.

Над краем ямы что-то взметнулось, будто кто-то вынырнул из воды, стремительно, как взмах крыльев. Затем нечто начало неспешно разворачиваться и подниматься спираль за спиралью, глядя на собравшихся красными, как сырое мясо, глазами. Атарайс оказалась громадной змеей с белой как кость кожей и немигающими глазами, в которых, что еще страшнее, светился интеллект.

Скелеты в Эчентире не смогли подготовить Ксорве к этому зрелищу. Так рисунок не может сравниться с реальностью. Застыв на месте с открытым ртом, Ксорве уставилась на змею. От нее нельзя убежать. С ней невозможно сражаться. Остается только забиться в уголок и попытаться не попадаться ей на глаза. В последний раз Ксорве ощущала подобное в присутствии Неназываемого.

Одна только голова Атарайс была больше, чем сама Ксорве. Алая пещера пасти змеи приоткрылась, и оттуда высунулся розоватый раздвоенный язык толщиной с мужское предплечье. Шелест затих, и она положила голову на край ямы, чтобы передохнуть.

Псамаг подошел к ней и остановился в паре футов от ее морды. И все-таки он был не так уж бесстрашен. Шею Атарайс обвивали железные обручи, закрепленные зубцами, вбитыми прямо в ее тело. Белые чешуйки покрывали следы ржавчины. Каждый обруч был прикован к стене тяжелыми цепями.

– Как поживает Ваше Змеиное Высочество? – насмешливо спросил Псамаг.

Атарайс не открывала рта, но ее слова каким-то образом прокатились по всей комнате, отдаваясь в ушах присутствующих. Ее низкий, резкий голос гудел как рой пчел, но Ксорве почувдилась в нем едва прикрываемая мука.

Ужас по-прежнему звенел в ушах расстроенными колокольчиками, но она почувствовала, что может сосредоточиться на чем-то еще. Неужели Атарайс родом из Эчентира? Или существуют и другие змеинные королевства? Возможно, кому-то удалось избежать катастрофы. Едва ли Сетенай мог ошибиться, но что, если предки Атарайс в это время путешествовали...

– Я голодна, господин, – сказала змея.

– И ты тоже? – спросил Псамаг. – Меня оторвали от ужина. Когда ты в последний раз лакомилась мясом предателя, песчаная жена?

– Шестьдесят дней тому назад, господин, – ответила Атарайс. Она посмотрела на Тенокве, который перестал сопротивляться и с униженной покорностью смотрел в лицо смерти. В голосе змеи звучало предвкушение.

Ксорве вспомнила Королевскую библиотеку Эчентира и все те фризмы, что изображали змей как государственных мужей и воинов. Видимо, Псамаг совсем лишил Атарайс гордости. От нее исходила чистая, незамутненная ненависть к Псамагу и всем собравшимся. Как это несправедливо – пережить кару своего божества, а затем страдать подобным образом в руках простого, такого *незначительного* смертного.

– Я приготовил тебе лакомство, – сказал Псамаг и с легкостью швырнул Тенокве в яму. Раздались ужасные звуки: вопль, звон цепей, удар чешуи по камню.

– Аххх, – с нежностью протянула Атарайс, а затем раздался еще один крик, но тут же оборвался.

Змеинные кольца исчезли из виду, и наступила полнейшая тишина – Ксорве казалось, что она слышит, как грохочет ее сердце.

Талассерес Чаросса сидел, вцепившись в столешницу, словно его пальцы могли проткнуть массивное дерево. Псамаг повернулся к нему лицом, и на нем заиграла еще более ужасная улыбка. Это еще не конец. Кулаки Ксорве непроизвольно сжались.

– Разумеется, – произнес Псамаг, – наш уважаемый канцлер Олтарос даже не подозревал об этом неумелом заговоре. Я говорил с ним сегодня. Он осуждает это. Так что никаких последствий для нашего ценного связного. Понятно?

Возвращаясь к своему месту во главе стола, он громким шепотом произнес: «*Удачи в следующий раз, Талассерес*». Псамаг внимательно оглядел собравшихся.

– Еще вина! – сказал он, наконец, насладившись мгновением тишины. – И подавайте ужин.

Ксорве была благодарна за возможность ненадолго выйти из комнаты. Ноги казались ватными, будто при высокой температуре. Она приказала себе собраться. Она ведь сказала

Сетенаю, что он может рассчитывать на нее. Она уже видела смерть. Встречалась с опасными людьми. Она и сама опасна. С усилием распрямив ноги, она вместе с остальными отправилась за первым блюдом.

На первое, конечно же, подали скальных змей – освежаванных, замаринованных и тушеных в соусе из красного вина. Теперь Ксорве понимала, как Псамаг заслужил подобную славу. У Таймири, которая подавала еду Талассересу Чароссе, был бледный вид. Псамаг с аппетитом доел свою порцию, подобрав соус корочкой хлеба.

Остаток ужина прошел без происшествий. Вслед за тушеными змеями подали безобидного жареного козленка, и присутствующие вздохнули спокойнее.

В конце концов ужин закончился, и Ксорве с Таймири были свободны. Таймири заинтересовала одного из офицеров, и Ксорве пришлось возвращаться в их комнату одной. Но она не возражала: следовало привести мысли в порядок. Можно было бы воспользоваться шансом и осмотреть эту часть крепости, но Ксорве была переполнена впечатлениями и боялась заблудиться.

На полпути она вдруг услышала за дверью кладовки судорожный всхлип. Ксорве остановилась и прислушалась. Всклипов не было, наступила тишина, а потом послышались удары и грохот, как будто кто-то из всех сил колошматил ящик с дынями.

Ксорве открыла дверь. Посреди кладовки Талассерес Чаросса изо всех сил колошматил ящик с дынями. Он заметил ее не сразу, и притворяться было уже поздно.

– Убирайся! – буркнул он, вероятно, надеясь, что она испугается. Глаза у него были красными, уши поникли.

– Что случилось? – спросила она.

– Это не твое... это непочтительно, ты знаешь, чертовски непочтительно... тебя кто-то послал? Иди и скажи Шадрану, что он может съесть свой член, я не потерплю, чтобы ко мне так обращалась *служанка*...

– Что случилось, – повторила Ксорве, – *господин*?

– *Ничего*, – ответил Талассерес, – кем ты себя возомнила?

– Вообще-то я не служанка, – сказала она. Ее так и подмывало рассказать ему правду. Иметь союзника – это было так заманчиво. Он наверняка хорошо знает крепость и мог бы помочь ей найти другой вход и выход. Но Талассерес Чаросса был племянником Олтароса. Пусть даже все здесь ему ненавистно, ему нельзя доверять.

– Знаю, – бросил он, – ты посудомойка или что-то вроде того. Ты правда думаешь, что я буду лежать без сна всю ночь и переживать: о нет, я назвал ту девчонку служанкой, а она, боже ты мой, *вообще-то не чертова служанка*?

Ксорве вспомнила его лекцию о сервировке и едва не рассмеялась.

– Мне жаль, что так случилось с Тенокве, – сказала она, пробуя зайти с другого угла. Если ей нужна его информация, у нее должно быть что-то взамен.

– Да плевать я хотел на Тенокве, – ответил Талассерес. – Этот идиот заслужил был съеденным змеей. Такие идиоты должны сами себя облить соусом, выйти в пустыню, лечь на землю и ждать, пока их сожрут змеи, чтобы всем остальным не пришлось сидеть и выслушивать жалкие потуги Псамага на *остроумие*.

– И все же, – сказала Ксорве.

– Я не имею никакого отношения к Тенокве, – сказал Талассерес. – *Я-то* не идиот. Я не виноват, что мой треклятый дядюшка Олтарос решил, что ему не жалко будет от меня избавиться.

– Оу, – сказала Ксорве. Многолетний опыт жизни рядом с Сетенаем научил ее, что иногда достаточно время от времени вставлять междометия, и собеседник сам все тебе выложит.

– Ага, – сказал Талассерес, – *Тлаантотский связной*, как же. Я здесь заложник.

Он еще раз пнул дыни, ушиб палец и протяжно вздохнул с таким отвращением, что молоко могло бы скиснуть.

– Возможно, стоит уехать отсюда, – предложила она. Он горько рассмеялся.

– И как же мне это сделать? – спросил он. – Можно, конечно, выйти через центральный вход или Врата, и смерть моя будет быстрой, но Псамаг не дожидется такого праздника.

– Но есть же и другие пути? – предположила Ксорве в надежде, что он слишком погружен в свою печаль и не заметит, что она слишком любопытна для посудомойки.

– Конечно, есть путь через пещеры, но я уж постараюсь, чтобы меня не сожрала заживо эта чертова змея, – сказал Талассерес. Он всхлипнул, но тут же сделал вид, что откашлялся. – Кто ты вообще такая?

Ксорве отчаянно хотелось узнать, что за «пещеры» он имел в виду, но она решила не испытывать удачу.

– Меня зовут Сору, господин, – сказала она, сделав реверанс.

– Так вот, Сору, – сказал он, – пошла прочь.

В конце концов Ксорве вернулась в спальню. Она чувствовала себя так, будто отстояла несколько раундов против лучших бойцов Синих Вепрей, но сон не шел. Талассерес Чаросса – ее шанс? Вряд ли он станет ее союзником, но, возможно, у него есть слабое место, на которое удастся надавить. Правда, в этом гораздо лучше разбирался Сетенай. Но Талассерес знал схему крепости и совершенно точно нуждался в ком-нибудь, кому можно излить свои жалобы. Она поговорит с ним, хуже не будет. К следующей их встрече она будет во всеоружии.

В последующие дни повсюду разнесся слух, что Тенокве казнили за измену, но Ксорве и Таймири никому не рассказали о том, что видели.

Несколько ночей спустя Ксорве разбудило чье-то присутствие – кто-то поблизости слишком сильно старался не шуметь. Она выглянула из-под простыни и увидела, как Таймири поспешно одевается в свете, пробивающемся из-под двери.

– Что случилось? – шепнула Ксорве. Сил у нее не было, но вдруг опять нужно идти в комнаты Псамага.

Таймири подскочила и заворчала:

– А ну спи... Ой, Сору, это ты. Помоги мне уложить волосы.

Она заплела волосы в четыре косы и попросила Ксорве уложить их затейливыми колечками от лба до затылка и закрепить серебряной заколкой. В полутьме это оказалось нелегким занятием, но Таймири терпеливее, чем обычно, сносила неопытность Ксорве. Пряди были гладкими и тяжелыми, как металлическая сетка. Ксорве показалось, что ей не стоит слишком тянуть, иначе это будет расценено как вольность.

С такой прической Таймири выглядела значительно старше, как взрослая и уверенная в себе женщина. Это слегка обеспокоило Ксорве – раньше она не замечала в подруге другую грань.

Надев туфли, Таймири поманила Ксорве за собой в коридор.

– Не говори остальным. У меня свидание с Шадраном. *Капитаном* Шадраном.

Ксорве моргнула от удивления и своего рода восхищения.

– Я серьезно. Не говори никому. Это еще не решенное дело, и я не хочу, чтобы они злорадствовали, если все сорвется.

Ксорве кивнула, и Таймири почему-то рассмеялась.

– О чем это я, конечно, ты никому не расскажешь, – сказала она. – Мне удалось удивить тебя. Не думала, что такое возможно.

Пауза. Таймири улыбнулась про себя, словно решая, стоит ли поделиться секретом.

– Ты милая, – сказала Таймири на карсажийском. Ксорве не сразу поняла ее слова и тем самым ничем не выдала себя.

А затем Таймири встала на цыпочки и поцеловала ее в губы.

Ксорве никогда раньше не целовали. Изумление ослепило ее, словно вспышка яркого света. Мгновение спустя все закончилось.

– Пожелай мне удачи! Увидимся завтра, – Таймири снова засмеялась и убежала дальше.

Ксорве вернулась в спальню и села на кровать. Если бы Таймири дала ей пощечину, это не так бы ее изумило. Тогда она хотя бы знала, как себя вести. Через какое-то время она почти убедила себя, что ей все это почудилось, но ей не удавалось выкинуть из головы воспоминание о холодных губах Таймири, их невесомом, как пыль, прикосновении. Ксорве ладонью вытерла рот и постаралась заснуть.

Ей было досадно, что Таймири продвинулась гораздо дальше на пути к своей тайной цели, чем Ксорве. Сетенай доверился ей, а она почти ничего не узнала. Ей нужно вести себя смелее. Нужно узнать, что имел в виду Талассерес Чаросса, когда упоминал пещеры и змею. К сожалению, возвращение в покои генерала было неизбежным.

6 Змея

Ночь в Тлаантоте выдалась безлунная, звезды скрылись за тучами. В крошечной тьме тревожно-желтым светили одинокие огни крепости. С момента казни Тенокве прошла неделя. Работы было много, и у Ксорве не было возможности продвинуться в своем деле, тем более что Таймири не спускала с нее глаз.

Таймири ни разу не упомянула поцелуй, но, с другой стороны, с тех пор они не оставались наедине. Ксорве удалось немного привести мысли в порядок, но она все же чувствовала облегчение оттого, что голова ее была занята секретными планами и ей не приходилось думать еще и об этом.

В конце концов, независимо от ее чувств и желаний, у Таймири были собственные цели и устремления, и Ксорве не собиралась льстить себе, считая себя их частью, точно так же, как Таймири не была частью ее планов.

Незадолго до этого Таймири опять ускользнула на свидание с Шадраном, и Ксорве надеялась, что и ее исчезновение из спальни пройдет незамеченным.

Ночью чучела на стенах в обеденном зале Псамага казались еще более мертвыми. Ксорве кралась под ними, стараясь держаться в тени. Несмотря на рискованность своего замысла, она почувствовала прилив бодрости. Несколько недель она чувствовала себя бесполезной, будто ее завернули в кусок ткани и задвинули подальше в пыльный ящик. Теперь же она шла по острию ножа.

Конечно, вполне вероятно, что она поскользнется на этом острие и никто о ней больше не услышит. Что, если она не первая, кого Сетенай послал в крепость, и забытые кости этих бедолаг усеивают подземелья крепости, как жемчужины в банке? Он никогда не упоминал, были ли у нее предшественники. В ее интересах не провалить эту миссию.

Ксорве тихонько подобралась к яме. Пол внизу был песчаным, и на нем кольцами свернулась Атарайс, укрытая цепями, будто драгоценными камнями.

С потолка на цепи свисал железный фонарь. В тусклом свете Ксорве разглядела свидетельства пленения Атарайс. Разгромленные стены, белая чешуя покрыта пятнами и шрамами, бурыми от крови и ржавчины.

Ксорве заставила себя отвести взгляд от змеи. Позади Атарайс, у дальней стены зиял темный провал туннеля. Ксорве пришла к неутешительному выводу: туннель уводил в пещеры под крепостью. Если и есть другой путь, она его не нашла. В глубине между городом и пустыней раскинулась целая сеть пещер. С их помощью она сможет провести Сетенай в Тлаантот. Яма – ее единственный вариант.

Ничто в этом мире не заслуживает твоего страха, давным-давно сказал ей Сетенай.

– Спасибо, господин, – пробормотала она и прыгнула. Она приземлилась на гору песка и медленно выдохнула. Шею покалывало. Руки вспотели.

Вокруг, словно живые стены слоновой кости, тут же выросли кольца Атарайс. Годы лишения и истязаний не сделали ее менее пугающей. Чешуйки, каждая размером с ее ладонь, сверкали в лунном свете. Ксорве прижалась к стене и медленными шажками двинулась ко входу в туннель на противоположной стороне.

Где-то на середине пути Ксорве услышала низкий приглушенный вздох. Она замерла, а Атарайс развернулась как натянутая струна. Она смотрела на Ксорве умными красными глазами.

– Бойся, – прошелестел голос змеи в голове Ксорве, будто журчащая вода. Рот ее раскрылся, обнажив два длинных и тонких, как берцовая кость, клыка. – Ибо рок твой довлеет над тобой. Мы – Атарайс, древнейший и благороднейший отпрыск Эчентира.

Ксорве поклонилась и, выпрямившись, посмотрела змее в глаза. Несмотря на опасность, девушка почувствовала проблеск удовлетворения от своей правоты.

– Добрый вечер, госпожа, – сказала Ксорве, скрывая дрожь. Она надеялась, что Атарайс не проснется, но к возможному разговору подготовилась. – Для меня большая честь находиться рядом с вами.

Глаза Атарайс на мгновение подернулись пеленой.

– Местные ничтожества утратили манеры. Они перестали оказывать нам почтение. Что ты за создание?

– Я никто, – ответила Ксорве. – Ничтожнейшее из творений моего создателя.

– Как же тогда он посмел отправить тебя к нам? – заметила Атарайс. – Наше величие заслуживает лучшего посланника.

– Конечно, – ответила Ксорве. – Это моя вина. Мне так хотелось увидеть вас, госпожа. Мне доводилось бывать в Эчентире.

Огромная голова начала приближаться к ней, пока морда Атарайс не оказалась на расстоянии вытянутой руки от Ксорве. За спиной была стена. Бежать было некуда.

– И что же открылось твоему взору в разрушенном мире, что ты смеешь открыто взирать на нас? Желаете посмеяться над нашим затруднительным положением?

– Нет, госпожа, – честно ответила Ксорве. – Это... это... – она подыскивала нужное слово, способное описать странное величие Эчентира и остаться при этом несъеденной. – Эчентир очень *внушительный*. Я видела Королевскую библиотеку. Мне захотелось увидеть вас и узнать, каким был город раньше.

Атарайс высунула язык, раздвоенный кончик чуть не уткнулся Ксорве в лицо.

– Нет, – разгневанно прошипела змея, – мы узнали тебя. Ты лжешь.

– Клянусь, мадам, – прошептала Ксорве, вжавшись в стену. – Я говорю правду.

– Ты прислуживала этому паразиту. Блоха может возомнить себя королем и заставить других блох скакать вокруг и кусать своих приближенных, но перед нами блоха – не более чем прах! Мы – последняя дочь нашего мира. Мы пережили гнев Ирискаваал! И мы заставим страдать это ничтожество Псамага! – хвост ударил по песку, подняв удушающее облако.

– Я не служанка Псамага, – ответила Ксорве. – Меня послал сюда мой господин. Он, как и вы, желает Псамагу смерти.

Возможно, она приукрасила действительность. Конечно, Сетенай не пролил бы ни слезинки на похоронах Псамага, но он никогда не просил Ксорве убить его.

– Господин? Какой еще господин? Не смей лгать нам. Наш народ поклонялся Тысячеглазой еще на заре вселенной, и за это нам было даровано истинное зрение. Нас невозможно обмануть.

– Мой господин – Белтандрос Сетенай, – сказала Ксорве. – *Законный* правитель Тлаан-тота.

Ксорве действовала наугад, она не собиралась раскрывать свои секреты, но в блестящих красных глазах Атарайс засветилось узнавание.

– А-а-а-а, – протянула она. – Сие имя нам знакомо. И как же поживает почтенный Белтандрос?

– Неплохо, – ответила Ксорве.

– Отойди от стены, мышка, и дай нам как следует рассмотреть тебя, – сказала змея. Она чуть отодвинула голову, и Ксорве пришлось выйти на середину ямы. Атарайс обвилась вокруг нее, каждая клеточка ее тела излучала живейший интерес.

– От тебя исходит знакомый запах волшебства, – в конце концов произнесла Атарайс. – И желание покончить с этим самозванным воителем. Хорошо. Ты не способна осознать всю глубину нашего великодушия. Мы могли бы съесть тебя. Но в знак нашей благосклонности

к Белтандросу мы отпустим тебя. Ты, конечно же, желаешь пройти дальше по туннелю, в те узкие проходы, куда мы попасть не можем.

Ксорве не заметила, когда успела затаить дыхание, но теперь она с облегчением выдохнула. Такая непочтительность только позабавила Атарайс.

– Да, госпожа, – сказала Ксорве. – Но... есть еще кое-что.

Хотя она ужасно боялась умереть или разозлить Атарайс, ей пришла в голову новая идея.

– Ты и в самом деле похожа на него, – заметила Атарайс. – Дерзкое, самонадеянное, упрямое маленькое создание. И все же это приятная перемена для нас, когда такая наглая мелочь обращается к нам с должным почтением. Спрашивай же.

– Госпожа... ядовиты ли ваши клыки?

– Ах, – вздохнула Атарайс. – Священный ужас. Благословение Ирискаваал. Добрая смерть, холодный огонь, разрушающая сладость... они *ядоносны*, птенчик.

Тогда Ксорве забралась на змеиную голову, чтобы добраться до пасти. Она балансировала на чешуе, стараясь дотянуться до тонкого клыка, который мог бы легко ее пронзить.

– Ты любопытна и бесстрашна, – заметила Атарайс, голос которой звучал в голове Ксорве, хотя зубы и язык змеи не двигались. – Многолетний голод терзает нас, и нас так и тянет тебя укусить. Ты отважна.

В конце концов Ксорве спрыгнула наземь, зажав в руке флягу, полную яда. Она поклонилась. Атарайс довольно зашипела:

– Ступай своей дорогой, кроха.

Ксорве подавила желание пролезть под хвостом Атарайс и бежать со всех ног в сторону туннеля. Вместо этого она начала медленно отступать, кланяясь. Уже внутри туннеля она остановилась и соскользнула вниз по стене, не желая идти вперед, пока ноги не перестанут дрожать.

Туннель вел в лабиринт, который наверняка придумал в незапамятные времена какой-нибудь командующий крепости, чтобы мучить своих пленников. Ксорве нашла потайную лестницу, которая вела вниз, глубоко под пустыню. Возможно, другой главнокомандующий приказал проложить ее на случай осады. Ксорве долго спускалась по настолько узкому проходу, что не могла свободно вытянуть руки. Наконец лестница закончилась, и вокруг открылось темное пространство. Она добралась до пещер.

Ксорве собралась сделать шаг в темноту, но какой-то инстинкт заставил ее замереть. Слева от прохода, над нижней ступенькой, со стены чуть ниже уровня головы свисал восковой ком размером с кулак. На воске стояла печать – неприятный глазу пятиугольный узор явно магического происхождения. Предмет этот вызывал скорее не страх, а отвращение, как будто на стене образовался гнойный нарост.

Ксорве отшатнулась. До нее дошло, что она чуть было не прошла мимо этой штуковины, и сердце ее заколотилось.

– Это оберег, – произнес чей-то голос в темноте. Ксорве не раздумывая выхватила нож. Это был Талассерес Чаросса.

– А ты не врала, – заметил он буднично, как будто привык, что перед его носом размахивают ножами на завтрак, обед и ужин. – Ты и впрямь не служанка.

Ксорве опустила оружие. Если бы Талассерес замыслил нападение, он не стал бы обнаруживать свое присутствие. Достаточно было просто столкнуть ее с лестницы.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– То же, что и ты, – ответил он и указал в темноту, – ищу другой выход отсюда.

– Как он действует? – спросила Ксорве, имея в виду оберег. Он было не похож на тот, что Оранна прислала в письме Сетенаю. Ксорве не знала, является ли печать на воске ключевым знаком или на земле есть и другие символы. Но дотрагиваться до него не стоило в любом случае.

С безгловым видом Талассерес вытащил из сумки обглоданную куриную ножку. Местами к кости прилипли хрящи. Он швырнул ее на ступеньки, и едва она оказалась у подножия, оберег вспыхнул, и кость исчезла, оставив после себя облако черного дыма. В воздухе стоял запах паленого жира.

– Работа моего дяди. Он не отличается изяществом, – сказал Талассерес. – На воздух и камень проклятие не действует. А все живое – или то, что некогда было живым, – исчезает таким образом, – он щелкнул пальцами. – Но если твой следующий вопрос – это «как же его обезвредить?», что ж, тебе крупно не повезло.

– Сколько раз ты приходил сюда с нашей последней встречи? – спросила Ксорве.

Талассерес пожал плечами, что, видимо, означало *каждую ночь*.

– Ты думаешь, что выход там, – сказала Ксорве. Интересно, проходил ли он мимо Атарайс или в лабиринт можно попасть иными способами?

– Будь все просто, Олтарос вряд ли бы задержался на посту канцлера, – заметил Талассерес.

Ксорве подобралась. Он вот-вот проговорится. Талассерес был так рад случайному слушателю, что ей даже не надо было задавать наводящие вопросы.

– Оберег нельзя уничтожить, – сказал он. – Но существует защитный амулет...

Он с сомнением взглянул на Ксорве.

– Я знаю, что такое амулет, – не удержалась она.

– Правда? Ну что же, рад за тебя, потому что дальше – лучше: этот чертов амулет принадлежит генералу Псамагу, и он не снимает его ни днем, ни ночью.

– Агатовая подвеска, – кивнула она. Она заметила ее тогда в обеденном зале. Такой выбор украшения для старого солдата показался ей странным.

– А ты наблюдательна, Сору, – сарказм сменился интересом, и Ксорве поняла, что ей стоило держать рот на замке.

Она пожала плечами.

– Простое любопытство.

– Ну что же, – сказал Талассерес, вернувшись к оберегу. – Зато это было бы быстро.

Покои генерала Псамага располагались на самом верху крепости. На стенах были развешаны прекрасные гобелены, картины, церемониальное оружие, редчайшие сокровища десятка миров. Под покровом ночи Ксорве едва слышно кралась из комнаты в комнату.

Прошла неделя с тех пор, как она говорила с Талассересом в пещере. С тех пор она знала, что ей нужно сделать, но знать и сделать – это очень разные вещи.

Ты боишься пауков, Ксорве? – спрашивал ее один из наставников, бывший взломщик, один из множества старых друзей Сетена с сомнительным прошлым. *Боишься ли ты призраков? То, чего ты боишься в темноте, и есть то, чем ты становишься.*

Я ничего не боюсь, отвечала она, а он смеялся. Теперь ей было страшно, но она поступала так, как ее учил Сетенай: страх становился топливом, которое давало ей силы идти вперед.

Ксорве прокралась мимо внешней стражи. Коридор патрулировали двое воскрешенных; они уставились молочными глазами прямо перед собой, но мертвецы видели не лучше живых, и она легко пробралась незамеченной. В следующих комнатах ей встретились еще двое, но никто из них даже не сошел со своего места.

В комнате, которая вела в спальню Псамага, Ксорве остановилась и поправила кинжал за поясом. Оружие в ножнах было тщательно заточено, на лезвии блестел яд Атарайс. Простая предосторожность. До убийства дело дойдет только в крайнем случае.

Дверь в спальню Псамага была приоткрыта, там было темно. В помещении кто-то спал. Больше Ксорве ничего не слышала – ни других шагов, ни чужого дыхания. Петли даже не скрипнули, когда она прокралась внутрь.

В неярком лунном свете Ксорве различила очертания кровати – на ней кто-то спал. Она сделала шаг вперед, и тут ледяная ладонь зажала ей рот и нос, а вокруг талии сомкнулось что-то похожее на железный прут, перекрывая воздух. Кричать не было смысла. Ксорве попыталась укусить руку, но кожа воскрешенного была твердой, как дубленая шкура. Хватка его нисколько не ослабла, и Ксорве продолжала извиваться как червяк на крючке.

– Не задуши ее, Мертвая Рука, – сказал чей-то тихий, но бодрый голос. – Нам нужно поговорить.

В темноте вспыхнул огонь – кто-то зажег лампу. Ксорве увидела кровать с портьерами и очертания спящего в глубине. Мертвая Рука так сильно сжимал ей лицо, что перед глазами начало темнеть. На сундуке у изножья кровати сидел обнаженный по пояс генерал Псамаг.

Каким-то образом он все узнал. Она как-то выдала себя.

– Вы двое, общитесь и свяжите ее, – приказал Псамаг, поднимаясь и потягиваясь. – Без кляпа. Нас ждет беседа.

Из тени вышел еще один воскрешенный. Ксорве связали руки и подвесили ее к балке; она ничего не могла поделать. Они с легкостью нашли ее кинжал и забрали его.

Это был конец. Она отрешенно попыталась вычислить, как скоро боль станет невыносимой. Ее не успели обучить допросам – «еще рано», сказал тогда Сетенай, – но краем уха она слышала от наставников, что сломанные пальцы – действенный метод, однако куда лучше позволить собственному весу жертвы сделать всю работу за тебя.

Несмотря на внушительный рост, Псамаг двигался легко, и когда он заговорил, голос его был спокойным и равнодушным.

– Кто-то подослал тебя убить меня, – сказал он. Он дотронулся пальцем до острого, как нож, клыка.

Она покачала головой. Сетенай она не предаст.

– Да, – повторил он. – Кто-то подослал тебя убить меня.

Белтандрос Сетенай вырвал ее из лап смерти. Она ничего не боится, никто не сможет развязать ей язык.

Она ничего не скажет. Пусть ей причинят боль. Пусть делают, что хотят. Она будет молчать, даже если ее жизнь будет висеть на волоске.

– По ночам ты сбегала из своей спальни, – заметил он. – Плела интриги. Скажи мне, кто подослал тебя и на кого ты работаешь.

Тишина.

– Молчание тебе не поможет, – заметил Псамаг. – Я знаю, что ты замыслила.

Он повернулся к столу, где лежал отравленный клинок, и повертел его в руках. Затем подошел к кровати и раздвинул балдахин. На ней и в самом деле кто-то лежал. Со своего места Ксорве видела голову на подушке.

– Просыпайся, – почти ласково протянул Псамаг.

Это был Талассерес Чаросса. Из одежды на нем была только набедренная повязка, отчего он казался еще более худым. Веки Чароссы дернулись, а уши прижались к голове, как будто его разбудил сигнал тревоги.

– Прошу прощения, господин? – сказал он, явно пытаясь совладать с собой.

– Повтори-ка то, что ты говорил о неподобающем поведении нашей милой Сору, – сказал Псамаг.

– Да что в этом интересного, – довольно игриво ответил Талассерес. И тут его глаза округлились: он разглядел, что творится в комнате. Ксорве равнодушно посмотрела на него, и его потрясение сменилось решимостью.

– Я тут ни при чем, – сказал он, – сама виновата, что сделала подобную глупость.

Ксорве продолжала смотреть на него.

– Ты не можешь меня винить, – сказал Талассерес. В его голосе прозвучало отвращение.

Все это время Псамаг молчал. Затем он положил ладонь на голое плечо Талассереса.
– Ты можешь уйти. Тебе будет неприятно это видеть.

Во взгляде Талассереса уязвленная гордость боролась с тревогой. В конце концов он покачал головой и покинул комнату.

Псамаг не использовал никакие инструменты, но в его распоряжении были воскрешенные – равнодушные, сильные и послушные. Он задавал все те же два вопроса. На кого она работает? Кто ее сообщники? Молчание каралось болью. Ксорве в ответ начала нести чепуху. На кого она работает? Дом развлечений «Пташки». Кто ее сообщники? Девять древних богов Карсажа.

Так прошел примерно час – точно сказать было невозможно. Ксорве казалось, что все ее существо вытянулось и сжалось, подобно раскаленным нитям расплавленного стекла.

Генералу это надоело, и он послал за плоскогубцами.

– Ты молода, – заостренным ногтем он дотронулся до одного из клыков Ксорве. – Они совсем недавно прорезались. Только трус посылает вместо себя ребенка.

– Нет, – пробормотала Ксорве, не в силах вонзить зубы в его руку. Она едва могла шевелить головой. Дыхание было частым и прерывистым.

Псамаг рассмеялся.

– Нет? Защищаешь того, из-за кого ты здесь? В этом нет моей вины, дитя. Я должен действовать в своих интересах. В том, что происходит с тобой, виноват тот, кто отправил тебя сюда. – Он приставил плоскогубцы к клыку, горячую щеку обдало холодом. – Ты знаешь, как положить этому конец. Всего одно слово, дружок, – имя того, кто послал тебя меня убить.

– Да пошел ты, – ответила Ксорве: слова вышли невнятными, совсем не тот презрительный выкрик, на который она надеялась.

– Как пожелаешь, – сказал Псамаг. – Мертвый Зуб, выдерни ей правый клык. Посмотрим, насколько ей дорог ее хозяин.

Ксорве не знала, сколько времени прошло. Воскрешенные покинули комнату. Она по-прежнему свисала с балки.

– На кого бы ты ни работала, ты подвела их, – сказал Псамаг. – Нет смысла молчать. В глубине души ты и сама это знаешь. Упорство принесет тебе только лишнюю боль. Ты держалась, я уважаю это, но в этом нет никакого смысла, ты проиграла.

Ксорве не слушала его. В ушах все еще отдавался хруст выдергиваемого клыка – будто сломали ветку. Там, где некогда был зуб, теперь зияла рана, похожая на чашу с кровью, во рту было кисло и чувствовался привкус металла. Кажется, ее стошнило. Трудно сказать: она то и дело проваливалась в беспамятство.

– У тебя могущественный хозяин, – продолжал генерал. – Ничего страшного не случится, если ты назовешь мне его имя. Мы уже вычислили, откуда ты взялась. И неужели ты думаешь, что правда важна для них? Такое упрямство вредит тебе, а они об этом даже не узнают. Пожертвовав собой, ты не получишь в ответ ни благодарности, ни награды. Никто не спасет тебя. Твоя судьба в твоих руках.

– Ну так убей меня, – глухо сказала Ксорве. По ее губам сочилась кровь. Перед глазами стоял темный горный проход и слышался чей-то голос, но чей, она не могла вспомнить. Ксорве надеялась, что это признаки скорой смерти. Она не сказала ничего, но не знала, сколько еще способна продержаться.

Где-то на периферии сознания она уловила звон серебряных колокольчиков. Звон этот причинял боль, как будто рану посыпали солью. Псамаг дернул головой, словно отгоняя комара, но тут же насторожился. Ксорве не слышалось. Колокольчики и правда звенели.

Псамаг нахмурился, отпрянул и развернулся. Колокольчики звенели мягко, как детская погремушка. Удивленно пробормотав что-то себе под нос, Псамаг покинул комнату.

Ксорве осталась одна, а между тем узел на правом запястье ослаб. Псамаг убьет ее, когда вернется, а она слишком слаба, чтобы сбежать из его комнат без посторонней помощи. Но если ей удастся дотянуться до кинжала, она сможет покончить со всем этим на своих условиях. Дар Атарайс все-таки пригодится. В тишине она очень медленно, дюйм за дюймом, вытаскивала из петли правую руку, боль была ошеломляющей. Но левая рука не выдержала ее веса. Кость сломалась, Ксорве вскрикнула, потеряла сознание и рухнула на пол.

Минуты шли, а она все еще была жива. Волоча по полу сломанную руку, Ксорве ползла к столу, где лежал нож. Каждое движение давалось с трудом. В конце концов ей удалось скинуть кинжал, схватить его здоровой рукой и вытащить его из ножен. Яд Атарайс блестел на клинке – возможно, Псамаг планировал покончить с ней таким образом. Но она все еще была жива.

Распластавшись по полу, Ксорве ползла вперед, подталкивая локтем кинжал. Боль все усиливалась, и порой ей приходилось замирать, пережидая приступ. Из рта при каждом тяжелом выдохе вырывалось облачко пара. За ней тянулся кровавый след – зияющая рана на том месте, где был клык, не затягивалась. Ей припомнились строки, которые она читала в прошлой жизни, отрывок из «Сна о Мухоморе»: *«Кровь избранных поднимется и прольется из их уст, подобно тому, как нектар струится из цветка»*. Как поэтично. Ксорве закашлялась и сплюнула кровью, слюной и крошками эмали, а отдышавшись, с усилием встала на ноги и спряталась за дверью, прижавшись к стене.

Как только Псамаг вернулся, он сразу почуял неладное и замер на пороге. Ксорве задумала выпрыгнуть из-за двери и перерезать ему горло, но в итоге смогла только беспомощно повиснуть на его плечах, скользнув кинжалом по ключице. От ужаса, что она промахнулась, внутри Ксорве все сжалось. Оставалось только надеяться, что ей удалось проткнуть кожу, и яд Атарайс хотя бы парализует его.

Но Псамаг не был похож на умирающего. Он с ревом ввалился в комнату и отшвырнул Ксорве к стене. Рукоять кинжала, скользкая от крови и пота, вырвалась из ее руки, будто рыба. Ксорве попыталась поймать оружие, но от шока и ужаса рука ее не слушалась, и нож со стуком ударился о пол, а затем отлетел куда-то в глубины спальни генерала.

Псамаг приблизился и носком ботинка перевернул Ксорве на спину. Кажется, его движения замедлились. *Молю тебя*, шептала она. *Неназываемый и Неизреченный, умоляю...*

Ее глаза и рот были в крови, но она слышала грохот, с которым Псамаг рухнул на пол. Каким-то чудом он упал навзничь, не задев Ксорве.

Время тянулось – возможно, прошли часы. Ксорве просто лежала рядом с огромным телом Псамага. Она знала, что ей нужно подняться. Рано или поздно кто-нибудь отправится на поиски генерала, и ей придет конец. Где-то вдали послышались приглушенные шаги и голоса, крепость просыпалась. Все было как в тумане, и ей хотелось просто тихонько лежать и ждать, когда боль отступит или ее кто-то прекратит.

Потом она, наконец, вспомнила, зачем пришла сюда, и опершись на локти, принялась обшаривать тело Псамага в поисках агатовой подвески. Но той нигде не было. Она заползла под кровать и провалилась в беспамятство.

Когда она пришла в себя, кто-то тихо, но целенаправленно обыскивал комнату Псамага. Ксорве подавила порыв позвать на помощь, но, прикусив губу, верхним зубом задела рану от вырванного клыка, и взвыла диким зверем. Шаги замерли.

– Так-так, – произнес чей-то голос. Кто-то схватил ее за плечо, вытащил и бросил на кровать Псамага.

Это была Большая Морга, правая рука генерала, огромная и устрашающая, похожая на боевой корабль. Ксорве застонала.

– Слишком уродливая и мелкая на вкус генерала, – Моргу передернуло. – Это ты убила его?

Ксорве не соображала, что делает. Кажется, она кивнула. Глаза Морги покраснели от усталости, но в них читалось ликование, и Ксорве подумала, что никогда не видела более устрашающего выражения лица.

– Что же, ты облегчила мне жизнь, и мне даже жаль, что придется с тобой расправиться. Внизу жаждут твоей крови, – ликование сменилось хищным удовлетворением. – Челюсть, спусти-ка ее вниз.

Челюсть, один из воскрешенных, явно признал в Морге нового командира. Он перекинул Ксорве через плечо, и та закричала – сломанная рука выгнулась под странным углом. От боли она сначала не почувствовала, что воскрешенный несет ее вниз. Слегка утихнув, боль ненадолго сменилась унижением. Подвешенная к балке в комнате Псамага, она цеплялась за свою цель. Она могла сражаться. Теперь же у нее не осталось сил.

Ксорве вскрикнула: ее швырнули на что-то твердое. Раздался звон посуды, и руку пронзила волна обжигающей боли.

Ксорве с трудом огляделась – на нее смотрели стеклянные глаза чучел на стене. Точно умирающая мокрица, она лежала, распластавшись на спине, в обеденном зале, среди раскиданных приборов и расколотой посуды. Вокруг стола с мрачным видом сгрудились офицеры Псамага.

– Предательница, как я и обещала, – заявила Морга. Она схватила Ксорве за волосы и дернула вверх. Ксорве моргнула, стараясь сфокусировать взгляд на лицах собравшихся. – Шпионка. Она убила генерала. Несколько недель она была здесь, а ни один из вас ее не заметил.

Ксорве все так же смотрела на них мутным взглядом, не в силах пошевелиться.

– И кто, по-вашему, платил ей? – спросила Морга, подняв Ксорве почти вертикально. Она приставила ей ко лбу нож и нажала, проткнув кожу. – Кто завидовал этому месту? – она убрала клинок. Кровь заструилась по лицу Ксорве. – Кто с самого начала завидовал Псамагу? – одним взмахом она раскроила лицо Ксорве от щеки до подбородка. Сильнее боли было изумление от того, как непринужденно она это сделала. Морга огляделась с безрадостным видом. – Поглядите, кого не хватает за столом. Похоже, Талассерес вернулся к дяде.

От собравшихся вокруг стола донеслось бормотание. Для Ксорве все эти грозные лица слились в одно.

– Мы доберемся до Олтароса, ясно? – сказала Морга. – За это его ждет смерть. Но пока нам нужно решить, что мы сделаем с предательницей.

– Змеиное логово, – как нечто само собой разумеющееся сказал один из офицеров. – Песчаная жена.

Все тут же поняли, что это лучшее решение, и одобрительные возгласы сменились выкриками – *Песчаная жена, песчаная жена, песчаная жена* – под топот и удары кулаками по столу. Морга улыбнулась.

– Из-за этой мерзавки погиб наш друг Тенокве. Пришло время сравнять счет.

Челюсть схватил Ксорве за загривок, будто бродячую собаку. К горлу подступила тошнота, и она судорожно сглотнула, не в силах сопротивляться новому унижению. Страх парализовал Ксорве: Челюсть тащил ее к яме. Внизу виднелись кольца цвета слоновой кости. Ксорве не надеялась, что Атараис пощадит ее во второй раз.

Большая узловатая голова поднялась над ямой, и послышался голос Атараис, похожий на свист ветра над равниной. До собравшихся не сразу дошло, что это был смех.

– Долгая жизнь имеет свои преимущества, – сказала она. – Время приводит к ржавчине и разложению и пожирает наших врагов. Главное – иметь терпение. Но мы видим закуску.

Морга кивнула, и Челюсть подошел к краю ямы. Ксорве перестала бояться. Из всех чудовищ, которых она встречала, Атараис была самой благородной, а ее оружие – самым милосердным. Не медленная смерть на дыбе, не разрушение от присутствия Неназываемого, но яд, дарующий быстрое избавление.

Челюсть протянул ее, как сокольник – перчатку, и Атараис вырвала Ксорве из его рук. А затем ее тело взмыло вверх, и на нее уставились стеклянные глаза.

– Не бойся, малек, – нежно произнесла Атараис в ее голове. – Ты пролила кровь тирана. Твоя отвага достойна уважения, и за это тебе воздастся.

Атараис скользнула обратно в яму, на грязный пол, и разинула пасть, делая вид, будто пожирает тело. Морга что-то сказала, компания принужденно рассмеялась, а Ксорве была надежно укрыта от них в углублении из мягких белых чешуек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.